

Алексей Фирсов

Отчёт

оголтелого

туриста

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Москва 1939

часть первая

Алексей Фирсов

Москва-1939. Отчет оголтелого туриста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69616750

SelfPub; 2023

Аннотация

МОСКВА-1939 – это научно-фантастический роман о российском предпринимателе – долларовом миллионере, который разорился во время экономического кризиса в России 2008-2010 гг. и который в 2019 году в Нескучном Саду обнаруживает Кроличью нору – временной портал в Москву 1939 года. Изъездивший четверть мира, главный герой отправляется в Москву прошлого на 80 лет назад без всякой миссии, как на туристическую экскурсию. Просто посмотреть. Понимая, что это не Франция и не Америка, а это Северная Корея наших дней, он убеждает себя, что будет осторожным. Ни к чему не прикасаться, ничего не трогать и, не дай бог, ничего менять. Но нельзя побывать в прошлом и не наследить. И прошлое коварно – оно сопротивляется любому вторжению. Иллюстрация обложки создана автором. ПРИЯТНОГО ЧТЕНИЯ!

Содержание

Глава 1. Обнаружение	4
Глава 2. Подготовка	12
Глава 3. Нескучное	21
Глава 4. Газировка	32
Глава 5. Парк	45
Глава 6. Сексоты	59
Глава 7. Обыск	71
Глава 8. Выкуп	85
Глава 9. Гагарины	97
Глава 10. Изобретатели	105
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Алексей Фирсов Москва-1939. Отчет оголтелого туриста

Глава 1. Обнаружение

Я обнаружил её случайно.

Сдал машину в сервис на 2-м Донском проезде, и нужно было чем-то занять себя часа на два, на три. Ноги пошли в сторону Ленинского проспекта. Солнце гигантской арбалетной машиной нещадно стреляло свои огненные стрелы. Они втыкались в неподвижный плотный воздух, воспаляли его, и становилось трудно дышать. Пожилой вязкий август был на излёте. Жара в Москве случилась градусов под 30. Зной. На Ленинском очень шумно. Надо уходить в Нескучный сад. Ну, и хорошо! Прошвырнусь в тени деревьев. Подумаю, как дальше жить.

Приблизился палящий полдень. В Нескучном саду народу совсем не было. Я гулял один, и вышел к небольшому особнячку – Летнему домику графа Орлова. Удивительная тишина. На Ленинском даже мысли глохнут от шума автомобилей.

*А здесь тишина. Иконы Битлов, ладан, гашиш.
А мне всё равно, лишь бы тебе было светлей...*

Шучу, никакого гашиша.

Хотя, как знать. То, о чём я расскажу, до известной степени возможно только под воздействием гашиша. Вся штука только в том, что я его и не пробовал то никогда. А то, что произошло – в один момент изменило мою жизнь разом и навсегда. В тот день привычные кубики моего мира растаяли, как кубики льда в бокале с виски.

Скамейки аллеи перед Летним домиком графа Орлова располагали присесть. Теперь можно было спокойно подумывать о дальнейшем житие. И только я приступил к обдумыванию как появилась белка. Не в смысле, что белка после излишеств с водкой, а настоящая. Рыжая, пушистая. Скок-скок. И села напротив меня. И ладно бы ещё села не боясь, занимаясь своими беличьими делами. Сколько таких ручных белок в разных парках мира всегда обстоятельно заняты собой и своей работой. Но эта села напротив и на меня посмотрела. В глаза. Как человек. Смотрит и взгляд не отрывает.

На меня так однажды смотрел... воробей.

Я живу в загородном доме.

Как-то в воскресенье мне довелось три часа бодро косить газон на участке – скинул полторашку килограммов. Залез под душ – жизнь удалась!

Голый захожу в спальню за труселями, а там... Воробей.
Мечется по комнате, трепыхается.

Я далёк от мыслей, что это к несчастью, что это послание от кого-то из загробного мира. Мне по хер.

Но ведь надо как-то избавляться от пришельца, точнее – от летучего.

Я говорю:

– Ну, что, брат, попался? Не ссы, сейчас что-нибудь придумаем.

А он суетится как угорелый, швыряется об шторы.

Я говорю:

– Слышь, хорош, дурака-то включать!

Воробей вдруг взял и успокоился. Опустился спокойно, как детский вертолётчик, на прикроватную тумбу, посмотрел на меня. Внимательно.

Здесь было бы очень круто сообщить, что и обратился ко мне со словами:

– Чего тебе надобно, старче?

Но... чего не было, того не было. Хрен там плавал, вместо золотой рыбки.

Я говорю:

– Конечно, было бы клёво, если бы ты вдруг взмолился отпустить тебя! Мол, дорогой за себя дам откуп. Мол, откуплюсь чем только пожелаешь. Ну, как у Пушкина. Всё такое. Потому что, знаешь, проблем у меня – завались. Я так задрочен, что, видишь, уже с тобой разговариваю.

А воробей опять за своё. Разбрасывается по спальне, бьётся о шторы.

Я говорю:

– Да ладно, не заходишь!

Раскрываю занавес, открываю балконную дверь и картинно так рукой сопровождаю:

– Прошу на вылет! Пра-ашу!

Воробей, мудака, вдруг ни с того ни с сего, как треснется об пол.

– Ну, здрасьте! – Кричу, – пожалуйста!

Воробей вылетает.

А с улицы до меня доносится:

– И вам здрасьте!

И много улыбающихся девушек с улицы смотрят на меня.

Я ведь был только из душа.

И воскресенье. И солнце. И я картинно так распахнул шторы.

А сегодня четверг, я присел на скамейку в парке и на меня смотрит белка. Внимательно. Можно даже и сказать – оценивающе. Как тогда воробей.

– Знаешь, – говорю, – я далёк от мысли сейчас с тобой разговаривать. Друг друга не трогаем – уже хорошо. Фортель твоего друга воробья может я и не понял тогда. Может он, когда об пол хряснулся – добрым молодцем должен был предстать передо мной. А потом передумал. Или не заладилось у него чего-то с превращением.

Тоже было бы прикольно сообщить, что белка возьми и ответь, мол, он ей и не друг вовсе. Но нет. Только смотрит в глаза и взгляд не отводит.

Во, блин, дела.

Потом скок-скок, остановится, покрутит чучлом по кругу и опять посмотрит на меня. Как бы приглашает за ней последовать. Ладно пошли, чего там. И направились мы к Летнему домику графа.

Дверь приоткрыта, белка прошмыгнула внутрь. Я как будто даже услышал:

– Проходите уже. Закрывайте за собой, дует. Нет-нет, не снимайте, у нас скользко.

И я такой, позвякивая шпорами: – Да, собственно, я и без сабли сегодня. А коня я привязал.

Стало быть, зашёл. Не мрачно, не страшно, никак. Вот только запах немного странный., но не проблемный. Как будто гарью чуть-чуть попахивает. Не то копотью. Но не горит ничего. Комнаты пустые, чистые. Не загаженные бомжами. Что удивительно при открытой двери, и бесконтрольности ситуации. Библиотечные стеллажи с остатками книг. Среди пропагандистской шелухи мелькнули обложки хорошей литературы – Проспер Мериме, Андрей Платонов. Во всех помещениях висят люстры советского ампира. На полах где-то линолеум, где-то крашенные доски. Сервант для посуды, пыльное пианино Заря.

А если открыть противоположную дверь, то выйду на

холм с видом на набережную. Хорошо, так и сделаем.

Без труда открылась дверь, и я вышел на веранду, только с другой стороны домика. Сел на этом красивом холме на траву. Можно сказать, так, что Fool On The Hill. Дурак на холме. Ну, если вы ещё помните The Beatles?

Баржа допотопная плывёт по Москвареке и коптит. Вот этот отголосок запаха копоти в воздухе и показался мне внутри домика. Да и на набережной воздух какой-то тугой и копчёный. Или к Москве опять прилипла гарь пожаров Подмосковья? Надо же, доселе я его не чувствовал. Кораблик старомодный с пассажирами медленно тащится. Чёрного дыму от него столько, что, кажется, он подбит, еле тянет и неотложно затонет. Пассажиров на нём набилось столько, словно это последний кораблик на эвакуацию, и больше рейсов не будет. По набережной фланируют девушки в вышедших из моды платьицах. И у большинства нелепые белые носочки. Странно.

Опоськи! Ну, конечно, кино снимают. Рядом на траве валялась газета Правда. Я её поднял.

Вот только как-то всё не так. Ни осветительных приборов киношников, ни белых экранов, ни проводов, никакой другой киношной атрибутики не было. Т.е. как будто актёры массовки были, ходили туда-сюда, играли начисто свои роли, а режиссёра с группой не было. И куда делись высокие жилые дома на другом берегу Москвареки? Там, через речку, на Фрунзенской набережной сейчас стояли какие-то

низкорослые строения, и куда-то, совсем уж не понятно куда, делась громадина главного здания Министерства обороны. В другой раз я непременно посмеялся бы, что наша военица куда-то сдриснула вместе со своей штаб-квартирой. Что она пропала пропадом. Что их наконец сдуло с лица этой несчастной земли, и земля эта наконец заживёт счастливо без этих сапог в таком количестве. Но какой-то неприятный холодок поселился в моей правой лопатке. Какое-то пёрышко страха нежно прикоснулось к чувствительному месту и взбудоражило миллионы игл нервных окончаний.

– Дядь, угости папироской? – услышал я весёлый крик.

Четверо ребят в тубетейках, майках, широких шароварах и с босыми ногами дружно шли по набережной. Вот тоже. Лица ребят белые, а тубетейки узбекские. Что за на?

В мгновение до меня дошло, что это они ко мне обращались.

Я развёл руками, мол, не курящий.

– Ура, товарищу Сталину! – задорно закричали они.

Однако все четверо уже удивлённо пялились на меня, и у некоторых непроизвольно открывались рты. Потому что я в своей одежде отличался от них, как цветной персонаж на чёрно-белой фотографии.

В следующее мгновение меня как подбросило вверх и сдуло с холма. И я как-то уж очень позорно и суетливо распахнул дверь и оказался внутри домика.

В третье мгновенье я пулей вылетел наружу с родной сто-

роны – со стороны аллеи со скамейками.

Врубаюсь я быстро, и сомнений не было – Кроличья нора. В физике так называется проход в параллельный мир. Пространственно-временной тоннель. Так-так.

Надо присесть на скамейку, выдохнуть и поразмыслить. От неожиданности я и не заметил, что до судорог сжимал в руке сплюсненную газету Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б) – прочитал я, – 24 августа 1939 года, четверг. Цена 10 копеек.

Глава 2. Подготовка

Сказать, что я опупел – ничего не сказать. Это был конкретный шок! Зашквар! Отрыв башки! Рассказывать сказки, что, мол, не верю, не может быть, ущипните меня, я не буду. Во-первых, потому что не Станиславский, чтобы игратья в – верю-не-верю, а во-вторых, потому что всё в этой жизни может быть. Только почему это случилось со мной? За каким меня то крюком зацепило, а? Какая здесь подковыка? Может статься, что и биполярочка. Не иначе.

Тррр-ча-ча! Тррр-ха-ха!

Тррр-пумба! Тррр-ха-ха!

Мысли в голове плясали как Африк Симон на постсоветском пространстве. Неужели Ханана Куканела? Вот тоже мне Алиса в Зазеркалье. Миллионы людей живут и ничего. Некоторые же напридумывают всякой фантастической херни, что уши, как у греко-римских борцов расплющатся. Какого-то балбеса инопланетяне затащили к себе в тарелку, и он оттуда вернулся посветлевшим. И жена его даже и не знает, как жить теперь с его светлостью. Потому что у дураков и жёны дуры. К слову сказать – и дети дураки. Кого-то молния долбанула, и он теперь с удовольствием рассказывает о симпатичной жизни на розовой планете и даже номер её называет в какой-то там системе. Хотя и долбанули то его один

раз, а крику, как будто с ним уже познакомился Джо Блэк.

Получается, что я такой же мудака, как эти избранные. Хорошая у нас компания.

– Тебя выбрали спасти мир! Ты станешь героем! Детали тебе сообщит наш секретный агент – белка. Ты поймёшь, как это круто! Не обосрись!

Хотелось закричать, как Шилов в известном фильме: – Ну, не пил я!

Так, всё! Базара ноль! Истерику убрали. Действительно, я не пил, не нюхал, не курил.

Я оглядел себя. Расписная клетчатая рубашка с короткими рукавами от Camp David. Такие же шорты. Мокасины Bally. Солнечные очки Cartier. И сильно кричащая надпись бейсболка. Конечно они смотрели на меня, как на пришельца. А кто я был для них? Хренабобель? What the fuck! В лучшем случае я для них был похож на иностранного футболиста. Иноплеменного футбольера.

Раздался звонок по телефону:

– Ваш Эскалейд готов. Можете забирать.

– Да, погодите, вы! Тут такой футбол... такие дела творятся! Агент-белка, меня выбрали! – чуть не заорал я, но вместо этого спокойно сказал, – Спасибо.

После своего спокойного спасибо я действительно сразу и успокоился. Ну, нора, ну, Кроличья. Портал – он и в Африке портал. Причём в Африке Симоне.

В голове сразу посыпались вопросы. Нора всегда работа-

ет? Или по определённым дням открывается, по определённым дням закрывается. Скажем, как Окно в Париж. Сколько проходит времени здесь, пока находишься там. У Стивена Кинга, например, в 11/22/63 человек там несколько лет проводил, а обратно возвращался, только две минуты прошло, как будто и не уходил вовсе. Но самое главное, говорил я себе, ты хоть понимаешь – Куда идёшь? Это не Франция, это не Америка. Это Северная Корея наших дней. Пхеньян. Как новый стратегический партнёр России. Уже смешно. Вот все страны по заявлениям нашего первого лица хотят сотрудничества с Россией, а стратегический партнёр – Северная Корея. Если вдруг что-то пойдёт не так, то будут пытаться, как шпиона. И будет не смешно. Будет так себе шутка. Кто там сейчас свирепствует? Берия. Он там вампирит Наркомом внутренних дел. Вёрткий грузинский ублюдок у сатанинского стола. Под пытками расскажешь правду и потом за неё тебя же и расстреляют. Из пулемёта. Нет, из танка. Да ещё этот расстрел за счастье считаешь. И, по большому счёту, ради чего? У героя Кинга хотя бы миссия была – предотвратить убийство Кеннеди. А я? Я же не собираюсь убивать Сталина. Я вообще не собираюсь ничего трогать. Ни менять, ни прикасаться. Нельзя ничего менять в прошлом. Потому что даже гибель бабочки из-за меня там – может разбудить такое варварство здесь, что Зимбабве покажется волшебной страной. Это я как раз понимаю. С этим у меня норм.

Но и не воспользоваться такой штукой – верх трусости. То, что я собирался туда пойти у меня сомнений не было. Зачем? А зачем полез в Париж через окно-лазейку простой советский питерский работяга? Пива попить. Пьяный был. Интересно полезет кто-нибудь тайно в современный Пхеньян пива попить? Хоть и пьяный. Вот так вот! Потому что сразу из пулемёта... Да ладно, чего там, я, ведь, просто погулять два-три часика. По 1939-му году. Тамошней газировки попить и обратно. Что я там забыл?

А здесь, что я забыл? Долларовый миллионер – всё просрал. Бизнес рухнул. Живу во дворце, который ни сегодня-завтра банк отберёт за долги. И всё по закону, всё по суду. Всё по российской справедливости. В смысле справедливости по-русски, как полярной антитезе гамбургскому счёту. Дочки взрослые. Я им не нужен. Жене – давно не нужен. Ну, как давно, с начала всех моих финансовых проблем. Какой нормальной жизнерадостной женщине нужен финансовый калека, сбитый лётчик, банкрот, который загнал семью под гусеницы давящей машины Российской Федерации? Так что? Что я здесь то забыл, весельчак?

Ага, вот оно что. Может уже колпак съезжает? Я как-то общался с одним. Финансовым магнатом. Музыкальным продюсером. Тоже всё потерял. Так говорит было у него три партнёра. Один повесился. Другой застрелился. Третий умом тронулся, поехал в Израиль лечиться. Он один остался. Нормальный. Сразу предложил пыхнуть и купить мой дво-

рец по такому случаю. Может и я попался? Может стоптался тапочек? И, вообще, кто такой Джон Голт?

– А газета Правда? – раздался голос как с небес. – А про-пажа Министерства обороны?

Это железобетонное доказательство. Что я не трёхнулся. Я ж своими глазами... Ладно, продолжим... пока.

Что нужно решить в первую голову? Одежду, деньги, до-кументы. За одеждой не на Мосфильм же ехать? Там подбе-рут на какого-нибудь колхозника или красноармейца. Хоро-шо, с одеждой решим. За деньгами надо ехать к нумизматам на Таганку. Да и документы тоже там будут.

Забрав машину из сервиса, я поехал на Таганку. Воз-ле небольшого нумизматического магазинчика всегда кипит монетно-орденская жизнь на улице. Во все времена. Что в советские, что в 90-е, что сейчас.

Припарковался и пошёл на толкучку. На меня, как на но-венького, сразу набросились:

– Монеты Российской империи, царские червонцы, орде-на, медали?

– Не-не, погодите, – я медленно переходил от одного лот-ка к другому.

– Что ищем? Железный крест, рейхсмарки, советские деньги, документы? – заговорщицки подмигнул мне рыжий торговец. Вот чёрт, мне уже заговоры мерещатся. Ещё и на-чаться ничего не успело, а меня уже паранойя охватила. – Какой период советских денег вам нужен?

– А какие есть?

– При Советах денежная реформа была четыре раза: Первый раз – это 1922-1924 годы.

Вторая реформа после войны в 1947-м году.

Третья в 1961-м при Хрущёве. И четвёртая денежная реформа в 1991-м. При Горбаче. – Рыжий охотно сообщал сведения. – И каждый раз всё боролись с инфляцией, а ей конца-края как не было, так и нет. Всё нули сбрасывали, а они всё прибывали и до сих пор прибывают.

– При Ельцине разве реформ не было? – спросил я.

– А как же. Две. В 1993-м и в 1998-м. Но это уже не СССР, это уже снова Россия. Вам для чего советские деньги? На стенку наклеить или ещё как?

– У нас проект есть, где дело перед войной происходит. Персонаж действует в 1939-м году.

– Тогда вам купюры нужны образца 1937-го или 1938-го годов. Вот пожалуйста выбирайте. Один рубль с горняком на картинке. Три рубля с красноармейцем. Пять рублей с лётчиком. И червонцы с Лениным. Один червонец – серый. Три червонца – красный. Пять червонцев – зелёный. И десять червонцев – чёрного цвета. – Продавец-красавец, как отъявленный экскурсовод водил меня по миру ленинских денежных знаков и советской нумизматики.

– Червонец – это десять рублей что ли? – спросил я.

– Да. Три червонца – это тридцать рублей. Десять червонцев – сто. Если всех бумажных денег взять по одной купюре

– это около двухсот рублей будет. Зарплата лейтенанта Красной Армии в конце 30-х годов была примерно 400-500 рублей. Если взять на 1000-1500 рублей, то ваш персонаж – хороший инженер завода.

– Давайте наберём на 3000 рублей, и сделаем нашего персонажа богатым советским гражданином.

– А кто ваш персонаж? Потому что если он работяга с такими деньгами или ещё какой пролетарий, то он спалится, и это уже сигнал для НКВД. И кстати денежные банкноты ещё 1934-го года есть. Но если у вас в проекте 1939-й год, то они практически к тому времени вышли из употребления. Если с ними засветиться, то это тоже сигнал для НКВД мог быть.

– О, спасибо за информацию.

– А вы меня возьмите консультантом.

– Ну, а что, консультантом, почему нет? При чём иностранным... Профессором с начальной буквой фамилии двойной В. (Я так пошутил, имея ввиду булгаковского Воланда, конечно.)

– Уолтером Уайтом, что ли, из Во все тяжкие? – по-своему пошутил Рыжий.

– Ага, Хайзенбергом. Мне нравится ваш юмор, – ответил я. – Сколько с меня за всё?

– Мелочь брать будете? Монеты есть три копейки, пять копеек, 10 копеек, 20 копеек. Будет ваш человек мелочью рассчитываться?

– Горсть мелочи возьму.

– Документы не нужны вашему человеку?

– А какие есть?

– Давайте смотреть. Так, паспорта в то время были серые, с тканевой обложкой, чёрным гербом СССР и чёрной надписью на шести языках, – Рыжий с удовольствием гида по временам Советского Союза рассказывал и показывал.

– Да, действительно. На русском вижу ПАСПОРТ. А вот ПАШПАРТ – это на каком?

– На белорусском. Дальше идёт на грузинском и армянском.

– Ну, на английском я вижу.

– На латинском – это для прибалтов.

– А нижняя надпись на каком.

– На арабском.

– А это для кого?

– Не знаю. Может для наших, хотя уже не наших, среднеазиатов. Так, что мы имеем – паспорт Мурашова Матрёна Давыдовна, дата выдачи 10 октября 1940 года. У вас персонаж мужчина или женщина?

– Мужчина, москвич, возраст 50 лет, – ответил я.

– Ага, Отрыжко Карп Евплович, украинец. Дата выдачи 1941 год. Не пойдёт. Чухлина Вера Ивановна, 1945 год. Недзольская Александра Михайловна, жена прапорщика, вероисповедания православного. А это паспорт вообще 1916-го года. Ну, дела.

– Это как Высоцкий в фильме помните – Дорофеева Анна Ивановна, аферистка фармазонщица. Наталья Кастрюк, скупщица краденого. Ивлева Анастасия, воровка на доверии...

– Да, с документами вам пока не угодишь. Вот есть удостоверение академика, – перебирал документы Рыжий.

Я открыл, прочитал:

– Предъявитель сего Губкин Иван Михайлович, является действительным членом Академии наук СССР. Президент академии Карпинский. Непременный секретарь академии – такой-то. Выдано 27 февраля 1932 года. Бессрочное.

И мужчина на фото в очках смотрел на меня и был примерно моего возраста. Вот этот подойдёт. Губкин, Губкин? А не тот ли это Губкин? Университет, имени которого нефти и газа на Ленинском проспекте. Так это он и есть. Вот ты какой Губкин Иван Михайлович. Отлично. Буду академиком.

– Вы так посветлели. Что – подойдёт?

– Подойдёт. Сколько с меня за всё?

– Пятнадцать тысяч рублей, думаю, справедливо?

– Без вопросов. Спасибо.

– Ваша Эскалада?

А рыжий то парень не промах. Всё увидел. На чём я приехал. Что мне нужно. Засланный казачок, точно.

Я попрощался с Рыжим Эскалада и уехал.

Глава 3. Нескучное

Дома я полез осматривать свой гардероб.

Нужны белые штаны и белый пиджак. Мне кажется в те годы всё было однотонным. Я, как академик, вполне мог быть в белом. Или в сером. Почему? Потому что у нас, у академиков, вот так!

В голове крутились строчки из Золотого телёнка: – *Человек без шляпы, в серых парусиновых брюках, кожаных сандалиях, надетых по-монашески на босу ногу, и белой сорочке без воротничка, пригнув голову, вышел из низенькой калитки дома №16.*

Вот примерно что-то в этом духе и надо.

Стал перебирать пиджаки и костюмы. Господи, сплошное Versace. Да, крутой я был дядя. Нужно что-то простое. За Versace, если схватят, будут пытаться с удвоенной силой. Как империалистического агента высшей гильдии. Подкладки все фирменные. Ткань кокетливо пробита названием бренда с неистовой периодичностью.

Наконец я нашёл серый льняной пиджак. Без подкладки. Очень простой. Пуговицы без надписей. Карманы, слава богу, внутренние. Накладных, наверное, тогда ещё не было. А если и были, то для советских людей, скорее, это была диковинка. Бирку Diesel я просто срезал. Брюки подобрал из

той же серии. Ремень самый простой, без надписей. Нашёлся. Рубашка. Вот какая подойдёт. В Тунисе я её купил ради прикола. Похожа на украинскую вышиванку, только без самой вышиванки. Просто белая с тесёмочками. Без воротника. Ботинки из светлой крокодиловой кожи настолько стёртые, что и не поймёшь, что там выбито на подошве. А стельки выкинем. Носки х/б даже нашёл не пойми какого производства. Хотя можно и на босу ногу одеть. По-монашески. Нет, нам академикам нельзя, подозрительно будет. Ну, вроде бы всё. Во, блин, а труселя то! Вот это проблема. Нужны семейные. Мне кажется советские граждане ходили исключительно в семейных трусах, а у меня все труселя плавками. Ermenegildo Zegna. Если попадусь – за это будут отбивать внутренние органы. Dolce & Gabbana. За это – внешние. Чудом нашёл. Клетчатые семейные. Практически Burberry. Вот это да. Наверное, с 90-х. Ярлык удалил. Ну, в конце концов, я, как академик, мог быть в зарубежной поездке на симпозиуме и привезти оттуда.

Ах, да! Надо же ещё фотографию заменить в удостоверении. Вот это совсем не проблема. Как говорил Остап Бендер Ипполиту Матвеевичу: – При современном развитии печатного дела на Западе напечатать советский паспорт – это такой пустяк, что об этом смешно говорить... Что уж говорить, когда у нас в 21-м веке есть фотошоп. Я отсканировал фото из удостоверения на iPhone, загнал в фотошоп, вырезал лицо академика Губкина, вставил своё, распечатал и вместо

родного вклеил новое в удостоверение. Даже печать совпала один в один.

Ещё здорово, если бы был картуз. Или шляпа тех времён. Для завершения образа. Но где их возьмёшь тех годов...

Итак, одежда есть, деньги есть примерно 3000 рублей. Бумажник? Нет, деньги просто будут свёрнуты. И мелочь в кармане брюк. Документ обалденный. Академик. И нам, академикам, можно без паспорта.

Если вдруг, что-то пойдёт не так, надо ли чиркнуть какую-нибудь записку?

Но отчётливо услышал голос жены:

– Подумываю снять квартиру и съехать от тебя. А ты во-дилой пойдёшь работать и гордость свою засунешь в жопу!

Что-либо писать сразу расхотелось.

– Да, тётушке, граф, про дуэль ничего не говорите. Скажите просто: дематериализовался Алеша, мол, и все!

Ладно, всё будет нормально.

Я от москвичей 30-х ничем не отличаюсь. Говорю я по-русски. Москвич. Москву знаю. Произношение московское. Речь правильная, без сленга. Пройдусь по Парку Горького. Газировки попою и обратно.

Вот, чёрт! Зубы. Я совсем забыл про зубы. На всех 28 зубах у меня стоят великолепные немецкие коронки по новым технологиям из диоксида циркония. Если вдруг у вас возник вопрос – почему 28 зубов, а не 32, какими награждён человек с рождения по природе своей человеческой, то с удо-

вольствием отвечаю, что на четыре самых дальних зуба, в профессиональной среде дантистов, называемых восьмёрками, а в народе называемых зубами мудрости, ничего никогда не ставится – они вышибаются... Шучу, они удаляются за ненадобностью. В Москве, когда я проводил маркетинг, мне всё удовольствие обходилось бы в тридцать тысяч евро, а прилетев в Германию зубной парень по имени Йорг сделал всё за пятнадцать тысяч и 34 часа. Я раньше думал, что только русские пашут, как черти, а европейцы после шести уже дома пьют чай с плюшками. Немецкий парень Йорг, скромный ганноверский миллионер-стоматолог со своей клиникой, в буквальном смысле, три дня визжал своими визжалками и гнул спину надо мной, пока я лежал в зубоврачебном кресле и рассматривал его потолок. А на его потолке было на что посмотреть. Картины в оригинальном стиле обнажённых натур. Он готов был и все 34 часа подряд делать свою филигранную работу – вот только я бы не выдержал подряд. Я и так за эти 3 дня похудел, как велосипед.

То есть, если меня хватают и вышибают зубы в застенках НКВД, сразу обнаружатся недоступные для того времени технологии. Это, значит, шпион. А со шпионами они очень хорошо знают, что делать. С другой стороны, если я попадаю в застенок, то будет уже всё равно, что обнаружится. А просто на улице по зубам они меня не вычислят. Потому что вместо сантехнического суперблеска, которым сверкают богатые артисты на экранах телевизоров, Йорг посоветовал

мне выбрать более натуральный цвет зубов, если, конечно, мне не требуется, чтобы все одним пыхом обращали внимание на мою сделанную ослепительную улыбку. Я сказал, что мне не требуется. Потому что это как этикетка у хорошего бордосского вина – всегда неброская. Шато Марго, Шато Лафит Ротшильд – всегда неброские этикетки. А вот Мутон Ротшильд может позволить себе яркую наклейку на бутылку, ну, так потому что Мутон. С золотыми же нашлёпками бутылки – это вино уже совсем другой категории.

Нет, не должны меня вычислить. Татуировок на теле нет. Короткостриженный, практически лысый. Кроме удостоверения академика и денег у меня совсем ничего не будет. Обручальное кольцо Bulgari, iPhone, бумажник Cartier, документы на автомобиль – всё оставлю в машине, в бардачке. Cadillac оставлю на стоянке во дворе какого-нибудь дома на Ленинском проспекте.

Если что – живу я на Ленинском. Все дома, которые после Площади Гагарина идут в область, строили в 60-х. Это я знаю наверняка. У нас квартира была на Ленинском. Значит обязательно надо взять дом, который расположен от центра до площади Гагарина, скажем, №22 или №24. Так, стоп, а Ленинский существовал вообще тогда?

Я залез в Википедию. Во, блин, был бы первый прокол. Ленинским проспектом он тогда не назывался. Это была Большая Калужская улица. И дом надо взять №20.

– Где живёшь, тварь? – окрик прозвучал, как выстрел.

– Мои апартаменты, сударь, расположены на Большой Калужской улице, дом 20. Квартира 12. Окна выходят как раз сейчас на нас с вами. Моя жена, тоже академик, смотрит в эту минуту на нас с вами. И радуется какая у нас красивая милиция.

Вот так вот. Если какая провокация на улице – не реагировать. В конфликты не вступать, нехороших ситуаций избегать.

Вид с холма домика графа Орлова открывается на набережную. Как она называется? Что нам говорит Википедия? Пушкинская. Название получила в 1937 году. Ага. В столетнюю годовщину гибели Пушкина. До этого была Нескучная набережная. Ну, это в общем не понадобится.

Так, интересно, а какого графа Орлова этот домик, где собственно и образовалась Кроличья нора? Не одного ли из тех знаменитых братьев Орловых, которые устроили дворцовый переворот в России и возвели Екатерину II на престол? Их пятеро было. Братьев. Ну, точно! Они, родимые. Именно этим гвардейцам супружница российского императора, которая вообще-то полячка прусского происхождения София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская и которая известна нам, как Екатерина II, и которая такая же Екатерина, как я Бенджамин Франклин, обязана восхождением на российский престол, а свергнутый супруг её – законный император российский Карл Петер Ульрих – очень смешно и главное очень по-русски, который в миру был известен, как

Пётр III, и который такой же Пётр, как я Фигус Бенджамина Франклина – стараниями братьев Орловых протянул ноги на Север, если не сказать повернул оглобли на тот свет. И всё благодаря этим ребятам Орловым, что по восшествии Екатерины II сразу из сержантов-гвардейцев были возведены в графское достоинство с распространением на все их последующие потомства. Каждый из них по-разному приложился к короне. Капитан гвардейцев Гришка Орлов из царицыной постели не вылезал, пока безродный Потёмкин на дверях стоял, потом поменялись местами и Потёмкин стал князем. Ох, любила императрица гвардейцев! И жутко соперничали Орловы с Потёмкиным. Но более всех братьев сослужил службу императрице – Алексей, которого все звали Алеханом. Тот самый Алехан Орлов, который мимоходом сморкался в оконную форточку на прохожих, тот самый богатырь Орлов, который всегда выходил победителем в кулачных боях, тот самый Алехан, который пил водку обеими ноздрями, и тот, кто в ту памятную июньскую ночь переворота 1762-го года примчался в карете в Петергоф, разбудил Екатерину словами – Одевайся, баба! Пора вставать! Сграбастал её в карету и повёз в столицу, где гвардия уже подготовлена была присягать Катерине. По дороге во встречной коляске им попался владелец питерских притонов саксонец Нейман:

– Ты куда в такую рань, Алехан, блядей везёшь?

– До первой ямы, – отвечал будущий граф так, что Екатерина в карете за занавесками расхохоталась. – Знай, помал-

кивай, саксонец. Завтра всё узнаешь.

Знатоки предсказывали, что триумф правления Екатерины будет, ну, день, от силы два. Риск взойти на плаху у всех заговорщиков был смертный. А оно вон как оказалось – почти на 35 лет протянулось царствование. Да и в историю России Екатерина II навечно вошла, как популярная и славная императрица.

И только одному сержанту Алехану Орлову известно, что произошло в Ропше, куда он сопровождал свергнутого, но живого императора Петра III. И где тот сделался неживой. И только одному ему известен страх, когда его – спустя 35 лет, уже престарелого графа по смерти Екатерины вызвал из Москвы в Петербург новый император явиться перед царственными очами. Потому что новый император Павел – сын того Петра III, про которого ты Катерине отписывал, что мол, матушка, его больше нет на свете, что, мол, мы были пьяны, а он заспорил и не успели мы разнять, а его уже не стало... И Павел прочитал эти письма былых времён переворота 1762-го года. На счастье графа, император Павел не стал лишать жизни Алехана, а только поглумился над старым Орловым. Во время перезахоронения останков отца своего заставил в летах хромающего графа пешком нести перед гробом императорскую корону из Александро-Невского монастыря до Зимнего дворца. А из дворца потом и в крепость. И на всём пути перед зеваками и толпой заставил быть предметом утончённой мести и язвительных улыбок. А после по-

гребения Алехан должен был немедленно уехать и не появляться на глаза Павлу более уж никогда.

Алехан Орлов не получил приличного воспитания, не учил иностранные языки и своими простыми солдатскими манерами ввергал в шок благородных дам при дворе, с той же лёгкостью, что свергал с них платья, однако за деяния свои был обласкан императрицей. До переворота он был сержантом гвардейского полка, а после переворота получил чин генерал-майора, достоинство графа и государственные поручения, которые оставляли за собой золотую пыль в карманах. И в наши дни подобные метаморфозы весьма возможны – из полуграмотного, но верного президентского охранника-имбецила в генерала-миллиардера и командира всей Росгвардии. Или из спортивного тренера, эмигрировавшего в Финляндию, вдруг в одночасье превратиться в долларового триллиардера на поставке труб Газпрому. Просто потому, что в школьные годы кувыркался на татами с нынешним первым лицом в спортивной секции и сдружился. Просто потому, что теперь все трубы Газпрому поставляешь только ты. Во все времена Россия не меняется. Ни образование, ни изобретения, ни какие другие умственные способности в России не котируются. Оказаться рядом – вот залог карьеры. Оказаться в ближнем кругу – вот лучшие российские котировки. Ну, и послушание, конечно. Праваславненько так! Именно в таком написании.

По времени отлучения от царицыного тела, утратой её милости брата Григория и занятия этого места Потёмкиным, и Алехан отдалился от императорского двора. Граф жил в Москве в Нескучной усадьбе, где по воскресеньям у него частенько обедало от 150 до 300 человек. Для гостей разыгрывались театральные представления, прославляющие образы российских императоров и его – Алехана Орлова – героя Чесменского сражения, победителя турок, с обязательным запуском фейерверков.

Предположительно, что постройку Летнего домика граф осуществил где-то в 1804-1806 годах для чаепитий, которые и проводил с тем же размахом, что творил вообще всё в своей жизни. Но пришла пора графу с началом 1808 года уснуть последним сном и Нескучное пришло в упадок. Роскошная усадьба превратилась в место сборища цыган, выпивох, бездомных и лихих людей, приезжавших по воскресеньям прошвырнуться, пропить барыши, да и подраться с немцами.

А в 1812 году пришла война и с ней Великий Пожар Москвы, который спроворили московские власти в храбром безумстве, чтобы не досталась красавица врагам-французам по типу патриотического угара – Так не доставайся ж ты никому!

Деревянный Летний домик графа чудом не подвергся вандальному поджогу и уцелел в числе той малой части Москвы, которая убереглась от Великого Пожара 1812 года. Его в качестве расквартирования выбрал французский генерал

Лористон, тот самый граф Лористон, которого Наполеон посылал к Кутузову на переговоры.

Я так зачитался, что не заметил наступившую глубокую ночь. Всё было жутко интересно, но это никак не приближало меня к разгадке – за каким старым флотским хером в чайном домике графа Орлова образовался портал? Эта информация мне, в общем, не давала ответов и вряд ли сгодиться. Хотя, как знать?

Завтра маршрут будет такой. Вхожу в 1939-й. Сажу на холме. Наблюдаю, успокаиваю сердцебиение. Спускаюсь с холма на Пушкинскую набережную. По ней иду до Парка Горького. Гуляю по Парку. Возвращаюсь обратно тем же путём. Никого и ничего не трогаю. Даже муравья постараюсь не задавить. Всё. Просто и гениально!

Уснуть долго не мог. Ворочался. Мысли начинались на Екатерине II, перескакивали на Орлова, но непременно заканчивались на НКВД, который выбивал мне мои роскошные зубы. Прочь! Отлезь, гнида!

Глава 4. Газировка

Утром позавтракал. Всё собрал. Что ж, иду за впечатлениями. Как турист. Приехал на Ленинский, дом 20. Во дворе нашлось место для автомобиля. Обручальное кольцо снял, мобильник выключил, бумажник, документы – всё сложил в пакет и убрал в подлокотник. Часы в кадиллаке показывали без четверти 12. Ровно в полдень войду в 1939-й. Крупные купюры червонцев убрал в задний карман брюк на пуговице. Банкноты помельче сложил и сунул в передний карман. Часть убрал во внутренний карман пиджака. Часы я не ношу. Да и все наши Cartier, Patek Philippe, Ulysse Nardin украдены или проданы в ломбард давно. Влюблённые часов не наблюдают – они их закладывают. Всё. В путь.

Возле домика графа Орлова снова никого не было. Дверь как всегда приоткрыта. Белки нет. Я уверенно открыл дверь шире и вошёл. И также уверенно вышел со стороны Пушкинской набережной. Сел на красивом холме. Подкопчённый воздух был реально тяжелее нашего привычного современного. Москва повсеместно дымила своими трубами. Рядом на траве валялась газета Правда. Я её поднял и сунул в боковой карман пиджака.

Солнце шпарит, на небе ни облачка. Баржа допотопная плывёт по Москвареке и коптит. Кораблик старомодный

с пассажирами медленно тащится. Чёрного дыму от него столько, что, кажется, он подбит, еле тянет и неотложно затонет. Пассажиров на нём набилось столько, словно это последний кораблик на эвакуацию, и больше рейсов не будет. По набережной фланируют девушки в ситцевых платьицах. И у большинства белые носочки. Сердцебиение в норме.

– Дядь, угости папироской? – услышал я весёлый крик.

Четверо ребят в тубетейках, майках, широких шароварах и с босыми ногами дружно шли по набережной.

Я развёл руками, мол, не курящий.

– Ура, товарищу Сталину! – задорно закричали они.

Все четверо прошагали дальше, некурящий ну, и пошёл нафиг.

Я посидел, посидел, не торопясь спустился с холма на набережную и пошёл следом за ними по направлению в Парк Горького.

Красивые берега Москвареки одели в мощнейший гранит. Он дожил до наших дней. Прогулочная дорожка асфальтированная. Но асфальтированная не ровно, как будто не добротным катком катали, а взвод солдат сапогами с надетыми трамбовками шлёпал. Кое где был бордюрный камень какого-то кустарного производства, словно прямо на месте его с помощью опалубки раствором отлили. Но по большей части бордюра не было совсем и неровный асфальт переходил в грязную траву, потому что назвать газоном эти земляные проплешины язык не повернётся. Две девушки шли на-

встречу. Сарафаны. Сейчас такие не встретишь. Белые носочки. Лица деревенские, приятные. Сейчас они работают на фабрике, и в свой выходной решили погулять в Парке Горького. Познакомиться с молодыми людьми. Закрутить роман. Стать москвичками. И нарожать новых советских человечков. Москвичей. Два кораблика с пассажирами плывут. Один туда, другой обратно. И коптят. Запах копоти – запах прошлого.

Булгаков отмечал, как изменился физиономический облик городского населения Питера всего за три года, и это произвело на него удручающее впечатление. В 1936 году он побывал в Ленинграде, в котором последний раз был в 1933 году. Обратил внимание как всего за три года опрощившился, отстал, опустился город. В 1934-1935 годах произошли репрессии и зачистки коренных петербуржцев, которые отправились в места, значительно удалённые от Ленинграда. Им на смену пришли новые хозяйственные жители, заселившиеся в освободившиеся квартиры. Преимущественно трудовые граждане прибывали из деревень и с крестьянской нерассуждающей работоспособностью принимались за народное хозяйство. И становились новыми ленинградцами, искренне считая справедливой заменой зарвавшихся графьёв и буржуев на себя. А как это коснулось Москвы, кто бы свечки поставил! Так свечей столько не сыщется.

Справа был Зелёный театр Стаса Намина. Сейчас это просто Зелёный театр. Стас Намин не родился ещё. Огромный

плакат с трёхэтажный дом – Высшего качества пудра КРАС-
НЫЙ МАК и губная помада в металлическом пенале. НАР-
КОМПИЩЕПРОМ СССР. ГЛАВПАРФЮМЕР. Громадное
женское лицо с острым носом и острым подбородком нюха-
ет крупный цветок красного мака. В наши дни этому могло
быть уже и другое прочтение. Тэ Жэ. Кажется, была парфю-
мерная фабрика с таким странным названием Тэ Жэ. Под
плакатом на одной из скамеек, вольготно отбросив ногу, а
другую подогнув растянулся во всю длину дядька. Спит,
прикрыв лицо кепкой. Асфальт везде мокрый, с лужицами,
после поливальной машины. Интересно, дядьку она окати-
ла? Тому всё пофиг, спит.

За этим громадным плакатом ещё один циклопических
размеров рекламный стенд. МОРОЖЕНОЕ. Довольная тётя
в шляпке и с томной улыбкой закрыв глаза от удовольствия
поедает палочкой мороженое из стаканчика. Палочку держат
ухоженные пальцы с маникюром. Рядом вазочка с тремя раз-
ноцветными шариками – пломбирное, фруктовое, сливоч-
ное. Народный комиссариат Мясной и Молочной промыш-
ленности ГЛАВМОРОЖЕНОЕ.

Всякий советский человек был уверен, что советское мо-
роженое – самое лучшее в мире. А, ведь, технологию про-
мышленного производства мороженого привёз Микоян –
Нарком пищевой промышленности. И привёз из Америки.
Со старых времён в России, и в СССР соответственно, изго-
товление мороженого было кустарным. В 1936-м году Вер-

ховный вождь отправил Микояна в США для изучения опыта в области пищевой промышленности и перенесения лучшего что у них есть в Советский Союз. Интересно, что дело было летом и Микоян собирался в отпуск, в Крым, о чём знало всё Политбюро. Но сразу после совещания Вождь вождей, как будто только что это пришло ему в голову, сказал, мол, а не съездить ли тебе, товарищ Микоян, в США? Молотов тут же сплясал вприсядку, взялся быстро оформить визы. Молотов всегда вовремя плясал или чечётку по столам бил исправно. Микоян воспринял неожиданное лукоморье без особой радости, робко сообщив, что вся семья уже собрала чемоданы в Крым, дескать, давно обещал жене и детям. А ты, мол, не распаковывай чемоданы, возьми с собой и супругу. Это было щедрое предложение. Чтоб советский деятель такого ранга выехал за рубеж, да ещё с женой, было что-то небывалое. Лукоморье становилось сказочным. Дети, правда, в случае чего оставались заложниками, чтобы всей семьёй не сбежали, и тут же были отправлены с домработницей в Крым. Таким образом Нарком Микоян отправился в Америку, изъездил её вдоль и поперёк, и среди прочего привёз технологию производства мороженого. Закупил в США оборудование, и с 1938-го года первая московская фабрика уже гнала серийный выпуск лакомства по американским стандартам. Потом этот опыт охватил весь Советский Союз. Советским гражданам так зашло и полюбилось мороженое, что с тех времён они едят его и зимой, и летом, и ночью и

днём, и дома и на улице, и в кино и театрах. Я сказал – с тех времён. Не так. С этих времён, по которым я сейчас шагал.

Я шёл дальше и увидел круглую будку ларька Газированная вода Мосминвод с выставленными пол-литровыми бутылками коричневого стекла газировки Бадаевского завода. Рядом стояли графины с сиропом. Вишнёвый, малиновый, клубничный. Тут же преёскурант цен. Розничная цена за пол-литровую бутылку фруктовой воды Московского завода им. Бадаева была 1 рубль. Без стоимости бутылки. Со стоимостью бутылки – 1 руб. 50 коп. Бутылку возвращаешь – возвращается полтинник. Вишнёвая, малиновая, клубничная. А можно было взять стакан лимонада из никелированного аппарата с сиропом. Преёскурант цен провозглашал, что стакан газированной воды без сиропа стоил 5 копеек. Стакан газировки на 200 кубических сантиметров с 10 долями сиропа стоил 17 копеек, с 20 кубиками сиропа стоил 30 копеек и стакан с 40 кубиками сиропа – 55 копеек. Сироп накладывался мерной ложечкой, а газировка наливалась из хромированного краника под давлением. Да, в СССР ещё не пришло время автоматов с газированной водой. Всё пока было ручным. Вплоть до управления гражданами. Как бы то ни было, но и сейчас столько всего автоматизировано, заимствовано, подсмотрено, а управление гражданами так и осталось ручным. Из Кремля. На поводке.

Качественные стандарты производства безалкогольных напитков тоже были привезены Микояном из США. Совет-

ский Союз и сам производил большое количество фруктовых вод, но качество их не было равноценным. И в разных частях страны оно было неодинаковым. А увидев, как этот вопрос решают американцы, Микоян внедрил этот механизм в СССР. В Америке в каждой фирме делался свой экстракт одного и того же качества, а потом развозился по стране. Полностью изучив процесс производства кока-колы, но за неимением необходимых денежных средств, чтобы наладить её производство в Советском Союзе, Микоян развернул производство стандартного вкуснейшего лимонада и русского кваса.

Демонстративно выпяченные бока бутылок с газировкой Бадаевского завода заманчиво сверкали на солнце. Московскому Трёхгорному заводу – этому старейшему, ещё до революции созданному, пивоваренному товариществу России – в советское время было прилеплено имя Бадаева. Вот, молодцы! Наверное, это знаменитый пивовар России, или учёный-химик, или один из учредителей знаменитого товарищества на паях. Здорово! Вот так и надо закреплять правильные имена в истории. Только так и следует сеять в головы своих граждан разумное, доброе, вечное. Шик-блеск, тру-ля-ля! Как говорили известные советские авиаконструкторы, когда заканчивали очередной проект. Ну, только всё немного не так. Совсем не так. Просто насквозь и вдребезги не так. По первой своей профессии слесарь Бадаев был сподвижником Ленина и успешным агитатором в Рабочую

Партию большевиков, а по второй своей профессии – председателем Президиума Верховного Совета РСФСР и... профессиональным алкоголиком. В 1943 году, возглавляя советскую делегацию в Монголии, Бадаев беспробудно пьянствовал, как сказано в решении Политбюро ВКП(б) о его отстранении, будучи пьяным, терял чувство всякого личного достоинства и в своем антиморальном поведении опускался до того, что неоднократно приставал к женщинам и требовал, чтобы *доставили ему баб* для разврата. Такой вот нефильТРованный Францисканер был советского разлива.

Пока я размышлял, что мне взять – бутылку вишнёвой развратного Бадаевского, оглушить её на месте, вернуть пустую и получить обратно полтинник, или не мудрить и взять просто стакан лимонада с сиропом, набежала ребятня. Трое мальчишек с босыми ногами. Загорелые. Двое в рубашках и портках, а третий без рубашки и в шортах. Лет по десять-двенадцать каждому. Стали галдеть и наперебой кричать:

– Толяпа, гадом буду, вынай свою мелочь, жмот!

– Костян, считай, чтоб ещё на мороженое хватило.

Когда стало ясно, что у ребят не хватает и на воду, и на мороженое, я вмешался и спросил:

– Сколько не хватает, ребята?

– Тридцать копеек, – ответил Костян-математик.

– Держите, – протянул я мелочь. – И вы, когда подрастёте тоже можете кому-нибудь.

– Пасиб, дядь! Тётъ, нам два вишнёвой и стакан малиновой за тридцать.

Вот также и мы в детстве, когда возвращались с тренировки на стадионе Торпедо на Автозаводской, заходили выпить молочные коктейли. И однажды не хватало тридцати копеек. Случайный дядя протянул тогда их со словами:

– Сколько не хватает, ребята? Держите, и вы, когда подрастёте тоже поможете кому-нибудь.

Надо же – всё возвращается. И слова те же самые.

– Ребята, а вы случаем не с Автозаводской? – спросил я наугад, проверяя теорию с может быть и не случайным дядей.

– С Автозаводской. А вы откуда знаете? – устались на меня мальчишки.

– Ну, так я узнаю торпедовцев. – ответил я. – Мне тоже, пожалуйста, стакан вишнёвой.

– За тридцать копеек? – спросила тётя в белом халате.

Я кивнул и стал смотреть, как продавщица мерной ложечкой на 20 кубиков зачерпывает полную порцию сиропа из графина, а затем пускает в стакан струю вспененной газированной воды из никелированного краника-барашка. Потрясающе! Вот это технологии. Стаканы гранёные какие интересные. Я таких не видел никогда. Разве что на картине «Утренний натюрморт» Петрова-Водкина. 12-гранный стакан был без гладкого кольца по окружности края, к которому мы все привыкли. Непривычно и прикольно было держать

такой стакан в руке. Как стеклянная гранёная втулка, только с дном. Ну, конечно, мухинский гранёный стакан появится только в конце 40-х годов. Да, та самая советская скульпторша Мухина, которая автор знаменитой ар-деко композиции Рабочий и Колхозница, увлечётся стеклом и спроектирует привычный нам гранёный стакан с гладким ободом для питья. Только это произойдёт лет так через десять.

Мы вчетвером стояли, пили газировку, и пузырьки выходили у нас из носа, как в детстве.

– Я сам в вашем возрасте тренировался на Торпедо, – на радостях от веселящих пузырьков брякнул я.

– Вы в нашем возрасте были до революции, а Торпедо тогда не было, – многозначительно после небольшой паузы сказал Костян-математик. И ребята дружно уставились на меня.

Вот, балбес, подумал я про себя. Ну, кто тебя за язык тянул? Тренировался он на Торпедо! Торпедоносец, хренов! Отвечай теперь что-нибудь, футболист.

– Конечно не было! – рассмеялся я. – Но мы мечтали о Торпедо! До революции... В вашем возрасте... А когда повзрослели уже приходили взрослыми на стадион мяч покатать.

Только тётя-продавщица с железными зубами и белом халате как-то подозрительно на меня посмотрела.

– А что, ребята, ещё по стакашке? За Торпедо! Я угощаю. Три вишнёвых и один малиновый, пожалуйста, – попросил я. – Ох, вкуснотища!

И тётя взглядом подобрела.

– Один из этих пацанов, наверное, и будет тем неслучайным дядей из моего детства. Может Толяпа, может этот Костян-математик, а может третий-молчун. Точно. Дядька из моего детства назвал тогда стакан стакашкой. Я запомнил и с того времени иногда так говорю, – подумал я и озадачился. – Так получается я запрограммирован сюда прийти? Ведь, эти 30 копеек с меня отсюда начинаются.

Мимо нас проходили девушки в ситцевых платьицах парами. Все обязательно в белых носочках. Вот только лица не московские. Вот не московские и всё тут! *На всех московских с головы до пяток лежит особый отпечаток*. Классик немножко по-другому высказался, но мне со школы так запомнилось. Прокатывали мимо застеклённые передвижные тележки-прилавки на колёсах. Комбинат питания. Кондитерские изделия. На всех висели деревянные счёты. И толкали их трудовые дяди и тётки в белых халатах. Некоторым толкать помогали босоногие мальчишки.

– Наши с легавыми завтра играют, – сказал Толяпа, отрываясь от стакана.

– Легавые – это динамовцы? – спросил я.

– Ну, да.

– Пойдёте смотреть?

– Не, они на Центральном Динамо играют – нас так просто не пустят.

Толяпа, Костян и Молчун, напившись газировки, побла-

годарили меня – Пасиб, дядь, – побежали дальше. Я отсчитал и протянул тётё рубль двадцать без сдачи и тоже отправился следом.

Справа на пути находился каменный памятник сидящему в задумчивой позе Горькому в тубетейке – Эх, Максимыч! Скольких же ты людей продал режиму. И себя продал. А мог бы жить себе на Капри. Писать. И по-другому войти в историю. А так, купили тебя, и служил ты режиму. И сам себе противен был.

– А может и не противен? – возражал каменный Горький.

– Да, нет. Противен. Противен. Всё понял. Только поздно было. Либо смерть, либо почёт. Выбрал почёт. А история всё равно выкруливает на правду.

Так я вышел ко входу в Парк Горького со стороны Пушкинской набережной. На большой деревянной арке входа возвышался щит с двумя усатыми мужчинами в белых френчах и форменных фуражках. И надпись:

– Да здравствует Сталинский Нарком Советской страны – товарищ Л.М. Каганович! Любимый руководитель железнодорожников.

И знамёна, и паровозы...

Советской страны мне поначалу прочиталось как Советской сатаны. Что ж, в тему.

Да, полуграмотный еврейский сапожник по профессии, Каганович Лазарь Моисеевич, этот любимый руководитель железнодорожников, был кровавым сподвижником бывше-

го семинариста. Скольких же ты на расстрел подписал, башмачник! Дожил, таки, до горбачёвской перестройки. Не понимал поди уж ничего. Почти столетним стариком был. А московский метрополитен долгие годы был имени Кагановича. Это как берлинское метро было бы имени Бормана.

Глава 5. Парк

Вход в Парк стоил 10 копеек и на входе каждого посетителя встречал вольер из штaketника с аттракционом Ударный силомер. Внутри вольера сидела тётушка в платочке, которая с удовольствием рассказывала куда и чем надо ударить, чтобы стрелка показала вашу силу. Прикольно, но не более того. На входе в Парк гремела музыка. Из репродуктора неслась Песня о Встречном Шостаковича:

*Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?*

Чудесная музыка советского музыкального гения. И абсолютная крепколобость текста на его музыку. Никто никогда не вдумывался в советское патриотическое искусство стихосложения. Каким жизнерадостным имбецилом нужно быть, чтобы непритворно радоваться заводскому гудку? Расскажите это реальным работягам, да ещё кудрявым женщинам в робе, таскающим чугунные болванки на заводах 30-х годов.

Английский писатель Джулиан Барнс, наш современник по 21-му веку, в своём романе Шум Времени взял на себя

неприличную дерзость разобраться в психологических тонкостях человека, не побоюсь ещё раз произнести – советского гения – Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Впечатляющие факты подаёт автор, некоторые жёстко, некоторые с любовью, но всегда с почтением к этой реально удивительной и парадоксальной фигуре.

Например, как были дни, когда по несколько часов Шостакович томился ночью у лифта на этаже возле своей квартиры, и курил папиросу за папиросой. Он ходил, хотя ничего не мешало принести ему стул, но, во-первых, нервы не дали бы усидеть на месте, а во-вторых, как бы экстравагантно выглядел человек, расположившийся ночью на стуле на этаже возле своей квартиры в ожидании лифта. Забирали всегда по ночам. И поэтому, чтобы не выволокли в пижаме или не заставили одеваться под презрительно-равнодушным взглядом сотрудника органов, композитор ложился спать одетым, поверх одеяла, поставив у кровати собранный чемоданчик. И когда сна не было, чтобы не тревожить жену, он выходил к лифту и ждал. А днём его преследовал другой кошмар, что НКВД придёт и заберёт дочку, и отправит её в детдом для врагов народа, где ей дадут новое имя и новую биографию, и вырастят ее образцовым советским человеком, маленьким подсолнухом, который будет поворачиваться вслед за великим солнцем по имени Советский Сатана. И однажды ночью лифт остановился на его этаже. Он затушил папиросу, взял чемоданчик и приготовился. Но из лифта вышел при-

позднившийся сосед и кивнул ему без удивления от ночной встречи. Возможно соседи думали, что Шостаковича таким образом регулярно выгоняет жена, но скорее всего, они и сами ночь за ночью могли ожидать ареста. Тема страха – серьёзная тема. Она так въелась в ДНК русского человека, что вытравить её можно только смертью поколений. Недаром же еврейский пророк и иудей №1 Моисей водил свой народ по Синайской пустыне 40 лет, чтобы извелись старые поколения и народились новые, незнающие рабства. Вот говорят – все народы одинаковы. Очевидно и точно. Вот только окунаются эти народы в разные среды. Кто-то купается в морской воде, а кто-то – в токсичной кислоте. А уж как советский гений жил и творил с чувством страха – значительный и ответственный вопрос.

А какой у него роскошный Вальс №2. Почему Вальс №2? Потому что Вальс №1 – это, конечно, вальс Евгения Дога из фильма Мой Ласковый и Нежный Зверь. Это я так шучу. Но не послушать Вальс №2 Шостаковича, да ещё в исполнении Андре Рёе нельзя! И хотя этот знаменитый вальс написан в 1938-м году, здесь и сейчас в Парке Горького образца 1939-го года он не прозвучит. Потому что Шостакович написал его, как шутку, которая заключалась в том, что композитор, возможно ради забавы, а возможно и всерьёз, взял три знаменитых вальса – Амурские Волны, Дунайские Волны и На Сопках Манчжурии – и, используя эти известные мотивы и интервалы, сделал из них свой собственный музыкаль-

ный коктейль на три четверти, сдобрив его Штраусом. Получилось настолько красивое, но всё-таки заимствованное творение, что Шостакович не торопился его публиковать. Хотя может всё это чушь, и нет никакого заимствования и уж тем более никакого плагиата. Но почему тогда такой божественный вальс увидел свет только в 50-е годы? А самое лучшее его исполнение конечно оркестром эпатажного нидерландца по имени Андре Рьё.

Далее я вышел к Большому Голицынскому пруду. Народ катался на байдарках и обычных лодках. На берегу на деревянном помосте некоторые оттягивались в дугообразных креслах, отдыхали. Два продавца передвижных ларьков на колёсах – один кондитерщик, другой мороженщик – в белых халатах оживлённо болтали в отсутствии покупателей. Один другому увлечённо что-то рассказывал. А тот улыбался и был похож на окончательно спившегося Харрисона Форда. Только актёр Форд советской модификации сверкал на солнце жизнеутверждающими железными фиксами.

Я шёл дальше, и справа за деревьями увидел аттракционы. Ох, и ни фиги ж себе пельмень! Такого ошеломительного аттракциона я никогда не видел. А я повидал не мало чумовых аттракционов. Американские горки прямо на крыше отеля Нью-Йорк, Нью-Йорк в Лас-Вегасе (в Европе они называются Русские горки), Дракон Хан в Порт Авентура в Испании, или потрясающий аттракцион был прямо возле нашего отеля в новозеландском Окленде. На площади стояла высоченная

рогатка. Высоченная – эдак в размер башенного крана. На специальном мощном тросе свисала закрытая капсула человек на 10-12. Группу людей заводили внутрь, пристёгивали и закрывали. И потом эта капсула рогаткой выстреливала в высь и улетала в небо метров так на 60-70. Но совсем улететь в облака ей не давал трос. Который возвращал её обратно. А поскольку трос инерционный, капсула болтается вверх-вниз пока эта инерция её не остановит. Это так круто, что дальше некуда! И везде, что на американских горках, что на Драко-не народ визжит всегда. А в этой новозеландской катапульте народ не просто кричал во весь рот, но и выходил из неё зачастую просто описавшимся от перепуга. Потому что это очень страшно.

Здесь в Парке Горького в 1939-м году работает аттракцион в силу мирового страха. Называется он – Летающие люди. На концах примерно 10-метровых металлических крановых стрел были привязаны смельчаки, которых эти стрелы, как маятники, раскачивали в одну и в другую сторону, при помощи тяжёлого противовеса. И периодически почти втыкали храбрецов головой в землю. Что удивительно – и девушки, и парни молча сносили смертельные кульбиты. Никто не визжал, как на американских горках. Кто-то даже вскидывал в молчании перед собой руку – так он воображал, что он летающий супергерой. При всём примитивизме, очень скрипучий, но крутой аттракцион!

Возможно граждане визжат, когда их несколько в одной,

что называется, люльке. А когда тебя по одиночке раскачивает длинная стрела маятника и почти втыкает в землю, человеку вроде бы как стыдно орать. Он же один летает. И летает он за рубль, как бутылка газировка. И летает он, как блоха. Потому что я услышал – в толпе люди переговаривались и называли этот аттракцион Блохой.

Слева осталось чёртово колесо.

И тут, обалдеть! Я вышел к фонтану. В центре квадратного бассейна стояло произведение искусства. Вот это да! Так, ведь, это просто мечта была её увидеть.

*Девушка с Веслом, ты красавица
Мы затем и здесь, чтоб исправиться...*

Это БГ точно угадал – Мы затем и здесь, чтоб исправиться. Вот только он ставит её в один ряд с Пионером с трубой. Как железобетонных друзей. Что неправильно. Пионер с трубой – это мутата. Это дешёвое советское пионерлагерное ремесло. А Девушка с веслом – это произведение. Потрясающе!

Потрясающа именно эта Девушка с Веслом, которая стоит в Парке Горького сейчас в 1939 году. А не те гипсовые девушки с вёслами, которыми были утырканы все парки СССР. Это и были утырки. Причём это, кажется, вторая копия скульптора Ивана Шадра. Именно она шедевр. А не первая. И не та, которую отлили в бронзе и поставили в Тре-

тьяковке. И уж тем более не та, которую снова поставили в 21-м веке в Парке Горького – то бесполоый гуманоид хотя и с двумя бугорками на груди.

Я ходил вокруг обнажённой бетонной девушки буквально открыв рот.

Из репродуктора абсолютно в тему звучала песня:

*Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть.*

Песня была в исполнении Бориса Чиркова из кинотрилогии о Максиме.

Нет, надо постоять подольше, посмотреть, насладиться. А то как когда-то в Лувре в первый раз я почти мельком взглянул на Мону Лизу. Не впечатлила. За бронированным стеклом. Отсвечивала. Маленькая. Толпа народу – близко не подойти. Так и прошёл. А потом несколько лет спустя вспоминал и жалел, что не постоял подольше. Ведь даме всё-таки пять с лишним веков. Это стоит того, чтобы остановиться возле, и на некоторое время сбавить свой бег по жизни. Сбросить скорость. И когда был в Лувре второй раз – памятуя свой непростительный промельк – стоял так долго и смотрел, что парижские бабушки-хранительницы уже осторожно поглядывали на меня примерно с теми же улыбками,

что и на самой картине Леонардо. Чего ожидать от странноватого посетителя?

Прохаживаясь по периметру квадрата бассейна, я любовался Девушкой с Веслом и решил постоять подольше. Эротики в ней было видимо-невидимо, как на картинах Ренуара. Но везде в общественных местах есть ответственные бабушки или бдительные тётушки. Я и здесь тоже чувствовал, что уже привлекал внимание. Это было совсем не к стати. Тогда придумал замаскировать своё любопытство мороженым. Купить и стоять пока не съем. Вроде как стоит человек и ест мороженое. Не любит есть на ходу.

Совсем рядом бастион торговых павильонов пестрел огромными рекламными плакатами. Наркомпищепром СССР. Главвино. Советское шампанское.

С точки зрения этимологии словосочетания Советское шампанское – это, чтобы понятно было недоразумение, как если бы официально назвать продукт Французское жигулёвское, Английская пионерия или Советский джип. В общем, Барвиха вилладж.

И потом только французский регион Шампань, производящий игристые вина из определённых сортов винограда и по определённым технологиям имеет право применять название – Шампанское (vin de Champagne). Точнее даже – вино Шампани. Это право защищено европейским законом ещё 19-го века и подтверждено Версальским договором 1919-го года по итогам Первой мировой войны. Ника-

кой другой производитель игристых вин не имеет право называть вино Шампанским. Даже другие регионы Франции. Но Советскому Союзу разве это указ. Мол, а что вы нам делаете? Советским людям полюбили называть продукт Советским шампанским и баста. А привычки советских людей – это как английские традиции. Неискоренимы.

Есть, правда, слабенькое, но оправдание такого поведения с названием. Микоян, когда возвращался из США, плыл через Францию. Виноделие было важным вопросом Наркома пищевой промышленности СССР. Поэтому ещё когда он плыл в Америку на теплоходе Нормандия большое впечатление на Микояна произвело умение французов обслуживать пассажиров. Он любовался, как обслуживали стюарды богачей и мечтал такой сервис перенести на обычных людей в Советском Союзе. Ну, как ему это не удалось мы прекрасно знаем, кто застал прелюбезную работу советских тётъ в сфере обслуживания в некогда ослепительно белых курточках, а потом застиранных и пожухлых, если не сказать замызганных, особенно в овощных отделах. Я даже подозреваю, что и белые куртки наших продавцов были подсмотрены Микояном у стюардов на французском теплоходе и внедрены в нашу торговлю, но он об этом умолчал. Поэтому оставим это моим вымыслом. Так или иначе Микоян очень крут хотя бы в том, что он на совесть выполнил приказ – всё что ему покажется передовым, понравится и, если хватит денег – всё перенять. Ему сказали – ловить рыбку большую и маленькую,

и он вернулся не с пустым неводом. Потому что вовремя украсть – это не украсть, а унаследовать. Только так и надо развиваться. Нарком пищепрома СССР решил, раз уж предстояло такое шикарное пятидневное путешествие через Атлантику, разобраться с французскими винами. И попросил виночерпия теплохода приносить всё время разные, но хорошие вина, чтобы познакомиться с большим количеством наименований. И, действительно, сомелье приносил хорошие вина, но, когда Микоян сверил по карточке меню, оказалось, что все они были недорогие. Он задал вопрос – Почему тот не приносит им дорогих вин, ведь они должны быть лучше. На что специалист по вину ответил, что, выполняя просьбу он приносит только лучшие французские вина, а дорогие они держат для богатых американцев, которые в винах не разбираются по причине долгого жития при сухом законе, только недавно отменённого президентом Рузвельтом. Микояну на корабле был дан хороший урок, который он решил закрепить на обратном пути, когда плыл через Францию. В это время во Франции как раз находилась группа советских виноделов. И они вместе тогда посетили один из виноградников региона Шампань. Владелец шато с гордостью рассказал им, что русский царский двор ежегодно приобретал у него по несколько тысяч бутылок. На это Микоян ответил, что Советский Союз развернул строительство и сам хотел бы производить шампанское для своего народа. Хозяин виноградника с удовольствием показал и рассказал о своём про-

изводстве, а напоследок без уведомления Микояна поставил им в машину ящик своего шампанского. Ящик благополучно был доставлен в Москву и Нарком доложил об этом усатому Предводителю советских команчей. Предводитель благодушно отнёсся к информации и посоветовал Микояну в знак расположения приобрести у гостеприимного французского винодела три тысячи его бутылок. Дескать, раз уж такое любезное отношение было к советской делегации – пусть и ему будет приятно. А поскольку в разговоре несколько раз прозвучало слово Шампанское, то с лёгкой руки Наркома и закрепилось это название, как уважение к посещённому шато в провинции Шампань и подарочному ящику. И когда в 1937-м году с конвейера Донского завода сошла первая бутылка Советского шампанского, произведённого на французском оборудовании, где уж было знать, что наименование строго запатентовано. Когда на всех документах по производству под этим названием стояли подписи членов Политбюро и лично Вождя обречённого войска.

Да, Микоян, будучи Наркомом, участвовал в расстрельных делах. Его всё-таки замазали в расстрельных списках. Документально подтверждено, что его подписи на расстрел и 10-летние заключения в лагеря стоят на 8-ми списках, в каждом из которых десятки и сотни людей. Лошадиной дозой и лошадиным холуйством в этом чемпионате отличился Молотов, его подписи стоят на 372 расстрельных списках, чем даже Князя Тьмы обскакал. Тот свой зверский синий

карандаш на титуле оставил на 357 списках. Ответственно гарцевали Каганович, Ворошилов, Жданов. Под 200 списков у каждого, где фамилии людей, как блюда в меню для Ненасытной Шишиги.

Вместе с тем, по-настоящему уничтожая людей, Микоян по-настоящему заботился о производстве в СССР. Двигал пищевую промышленность, как буйвол. И надо заметить, что с немалой результативностью, вот только с коэффициентом полезного действия буйвола. Советского буйвола. Хотя правильно было бы сказать – обычного грызуна в стране грызунов. Но и не заметить его деятельность – не айс. Историю что, чего у нас и откуда, всё-таки надо знать.

Следующим рекламным щитом был: Кетчуп – лучшая приправа к любому блюду. О как! Если уже в 1939-м году он рекламировался, отчего же тогда его совсем не было много-много позже, в моём солнечном советском детстве? Томатной пасты в жестяных банках было хоть измажься. Но она была невкусная. А первый болгарский кетчуп наша семья попробовала, когда отец привёз его из командировки в Прибалтику в конце 70-х. Я, школьником, когда его откушал вместе с жареной картошечкой, в действительности и офигел от сказочного вкуса. Потом он быстро закончился, отец и привёз то всего три продолговатые стеклянные бутылочки. А навсегда к прилавкам Москвы кетчуп привыкнул только после Олимпиады-80. После неё много чего появилось, чего советские граждане были лишены и не знали. На Олимпиа-

ду все чудеса пищевой западной промышленности закупили, потому что не хотели ударить в грязь лицом перед гостями, мол, у нас у самих, добра такого, как у вас – завались. А потом лишить всего этого советских граждан было уже опасно. Не бунтом, нет. Советская овца – это особой выносливости порода, будет позволять себя стричь долго за макароны по-флотски и плошку борща, и будет тащить долго, пока не упадёт от перенапряжения. А опасно апатией. Потому что с полусонным народом в полуночной стране делать можно всё, что угодно. И успешно делают до сих пор. А с апатичным?

Вот как так? Куда исчез кетчуп в 70-х, если он уже производился у нас с конца 30-х годов. Я и болгар то зауважал после того кетчупа, а так и не знал даже об их существовании.

И, наконец, павильон Мороженое. Требуйте всюду. Народный комиссариат мясной и молочной промышленности. Гласил плакат. Я как раз и собирался именно потребовать и от предвкушения потирал ручки, так мне захотелось отведать того первозданного мороженого, с которого всё серийное мороженое в СССР и началось. Но тут внезапно произошло следующее. Недалеко от меня шёл парень, примерно лет 35-ти, с фотоаппаратом. Это явно был иностранец, потому что одежда его и манера держаться серьёзно отличались от всей остальной публики. Особенно выражение лица. У иностранцев выражение щей всегда непосредственное, раскрепощённое, даже глуповатое, и часто с открытым ртом, в то время как у русских мордочки всегда либо сосредоточенные,

либо блудливые, либо хитрые. Но никогда не раскованные и не глуповатые. В руках у иностранца была шикарная, хромированная золотом, Leica. Я узнал фотоаппарат, потому что ещё в институте такой был у одного из приятелей, и он, когда у него спрашивали, всегда уважительно возглашал, что, бля, это довоенная Leica, и она, бля, работает. Так вот когда этот иностранец собирался сделать снимок, к нему тотчас же подскочили двое одинаково стриженных парней в не таких уж и разных рубашках. А через несколько буквально секунд, подвалили, можно даже сказать припрыгали, как гиены, ещё двое не таких уж и разных. Парня отвели под руки в сторону от прохода толпы. Толпа с испуганными лицами расступалась. Кто-то вскрикнул:

– Шпиона поймали!

Глава 6. Сексоты

Послышался другой женский визг:

– А-а, так ему и надо! Империалист проклятый!

Толпа негромко зашумела, но лица были напряжены и испуганы.

Растерянного фотографа отвели к краю крепости павильонов, где как раз стоял я, и я увидел замешательство на его лице.

– Почему вы снимаете в общественном месте? Есть ли у вас на это разрешение? – был задан вопрос одним из стриженных.

Парень не понимал и что-то беспомощно бубнил по-английски.

– Иностранец! – запоздало сообразил другой стриженный. – Иди звони капитану!

Оказалось, что телефон находился тут же и был замаскирован с торца павильона. Один из сотрудников уже по нему звонил.

– Ты знаешь какой-нибудь язык? – спрашивал второй у третьего.

Тот помотал головой, но когда от кого-то из них прозвучало слово аккредитация, парень-иностранец тут же ответил:

– Yes, surely. И дальше по-английски стал говорить, что

он здесь не один, а с коллегой и переводчиком. И у них есть и аккредитация, и разрешение на фотосъёмку. И зовут его Харрисон Форман, он американский журналист.

Сотрудники его не понимали, а я, забывшись, по обычной человеческой привычке уже открыл рот и чуть было не вмешался в их разговор, чтобы перевести и уладить недоразумение. Потому что в руках у них был никакой не шпион, а известный американский фотограф Харрисон Форман. И своей серией фотоснимков Москвы 1939-го года он впоследствии не только прославит на весь мир столицу советского государства, но и в истории Москвы этого года, она будет, пожалуй, самой большой коллекцией и, чуть ли не единственным памятным фотоархивом. По счастью я этого не произнёс, вовремя захлопнул свою варежку и не успел наделать непоправимых для себя глупостей. Просто-таки в самую пору завалил хлебало Алёша.

К задержанному уже подходил капитан, которому звонили. Не трудно было догадаться, что капитан, потому что он был в военной форме, и в красной петлице его гимнастёрки на солнце блестела одна шпала. Погоны тогда ещё не ввели, и у военнослужащих были петлицы со шпалами, ромбами и квадратами. С ним рядом шли ещё два сотрудника, тоже в форме.

Двое сопровождавших капитана военных приказали толпе расходиться, не скапливаться и не мешать движению отдыхающих граждан. Граждане, будучи при этом теми самы-

ми отдыхающими, ещё больше сходились и скапливались. Я повернулся к павильону с мороженым, собираясь его покупать, но больше следил и прислушивался к происходящему. По толпе всё также шелестело слово шпион, отдыхающие граждане посерьёзтели лицами, закрипели глазами, как же, такое эпохальное событие произошло, бдительные сотрудники НКВД иностранного разведчика поймали, но четверо ребят в тубетейках, которые ранее пытались стрелять у меня закурить, и кричали – Ура товарищу Сталину! – уже вели в нашу сторону двух человек – по всему было видно, что это коллеги Харрисона Формана. Лицо одного тоже было по-американски раскованным, ненапряжённым, а костюм другого выдавал в нём сотрудника НКВД СССР (Народный Комиссариат Иностранных Дел СССР). Здорово, как пацаны быстро сообразили, что к чему и среагировали на иностранцев. Молодость быстро включила мозги, пока остальные ловили шпионов. Переводчик тут же представился и вынул бумаги. Капитан стал внимательно читать листок с печатью. Печать была такая мощная, что мне и со стороны разгляделось, какая эта была мощь, вероятно, того самого могучего ведомства, перед которым обычно и волосы вытягиваются по стойке смирно, даже те, которые пружинками скручены, а кровь холодеет. Но скорее всего это я сочиняю, потому что капитан не принял стойку, а только отдал честь и приказал отпустить фотографа. Значит возможно печать была Наркомата иностранных дел. Иностранцы поспешили от-

кланяться и с переводчиком отправились в сторону чёртова колеса. Капитан сделал лёгкий жест головой, и одинаково одето-стриженные секретные сотрудники (сексоты), разбежались по парно, не побоюсь даже написать, копытно, в разные стороны.

Вот они, красавцы, словно неприметные отдыхающие горожане. Среди толпы, среди людей. Стерегут мирную дремоту полусонных советских граждан. Но весь смех, как раз в их натужной и однообразной неприметности.

Я вспомнил, как однажды, когда на меня, как на предпринимателя, завели уголовное дело, открывал металлическую дверь Департамента экономической безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации (ДЭБ МВД РФ). Если не знать, можно было подумать обычный подъезд обычного жилого дома. И запахи подъездные. За металлической дверью было небольшое фойе. Дальше была дверь-решётка, многократно крашенная отвратительным ядовитым зелёным цветом. Сидел дежурный. Через решётку было видно, как по длинному, не первой свежести, коридору, стены которого также были покрашены ядовитой краской, сновали молодые люди в однотонных рубашках с короткими рукавами. Бритые или коротко стриженные. Тёмные брюки, тёмные ботинки и, обязательно, в руках или через плечо сумочка-портфель. Эдакая большой важности барсетка на ремешке.

– Какие же они все одинаково одетые, – подумал я тогда. –

Лица и комплекции у людей разные, а как будто одинаковые. И как будто гражданские. Ан, нет. Это у них своего рода униформа такая. Похожие рубашечки, похожие брючки, похожие сумочки. Буду теперь знать, как мента летом в толпе вычислить. Коротко стриженные головы, однотонные рубашки с короткими рукавами, тёмные брюки, тёмные ботинки и обязательно эти дурацкие сумочки-портфели. И у каждого – своё задание. Каждый кого-то разрабатывает. Каждый к кому-то уже прицепился прищепкой. Каждый уже в кого-то впился, как пиявец. А, ведь я, когда-то, после фальшивых советских книжек о подвигах УГРО, мечтал быть следователем. Закончил бы юридический... И был бы... Чур, меня, чур.

Навстречу мне в то время, с другой стороны решётки, уже подходил сотрудник ДЭБ МВД РФ. Тридцатилетний, невысокого роста, с блёклыми чертами лица. На такого посмотришь и не запомнишь никогда. Не на чем взгляд зацепить. В глаза никогда не смотрит, да и глаза то пустые. В светло-серой рубашке с короткими рукавами, коричневых брюках, коричневых ботинках. Ан, нет! Постой, да это и не ботинки вовсе. Это сандалии! Потрясающе. Вот на сандалиях и зацепился тогда взгляд. И это были не какие-то модные спортивные сандалии. А устаревшие. Примерно так из 70-х. Его, наверное, бабушка воспитывала. Родители, скажем, погибли при исполнении. Они же все, блядь, потомственные негодяи. И воспитывала его бабушка. Униформу государство опреде-

лило. А сандалии – бабушка. Мне даже жалко его стало. Это как на известную чёрно-белую фотографию конца 60-х годов смотришь, где нынешнее и вечное первое лицо в молодости стоит со своими школьными друзьями, сегодняшними долларовыми триллиардерами, жмётся к ним с портфельчиком, а на ногах войлочные ботиночки прощай-молодость... Никогда не доверяйте пиявцам в сандалиях. Ну, или в войлочных ботиночках прощай-молодость.

Мой пиявец попросил дежурного открыть решётку. Рукопожатие вялое, тельце рыхлое с женоподобными округлыми боками и узкими плечами.

А ведь ещё несколько минут назад от солнечного дня у меня блуждала лёгкая улыбка на лице. В этой же душной атмосфере хорошо было разве что только чеснок жрать и осиновый кол точить. Чтобы вампиров отгонять. И вдруг среди этой серой однообразной вампирской массы появились двое. Девушка и мужчина. Вот это сразу видно – обычные. Гражданские. И одеты нормально. И пахнуло нормальностью. Только у девушки лицо было совсем белое, убитое. В таких случаях говорят лица нет. Страх. Лицо красивое. Но на нём застыл страх. И видно, что идёт по инерции. Не видит перед собой ничего. А рядом взрослый мужчина семенил. Голову в плечи вжал. Наверное, заместитель её. А она, наверное, генеральный директор чего-нибудь. Какой-нибудь ООО-шки или ИП-шки. И вот недоплатили что-то, сокрыли, уклонились. И кошмарят их теперь эти стриженные мальчишки

по экономической безопасности...

– Девушка, у вас такое прекрасное лицо, – сказал я тогда. – Не дайте этим упырям себя запугать. Всё равно всё пройдёт и всё будет хорошо, – мне захотелось ещё что-то приятное сказать той девушке, чтобы поддержать её в трудную минуту.

Но девушка меня не услышала. Заместитель её только злобно на меня посмотрел.

– Да, мужик, ты то её, видать, и подставил, – подумал я, – раз с такой злобой на меня посмотрел. Лебезишь перед ней, а рыльце то у тебя нехорошее. Эх, девушка! Гнала бы ты подальше от себя этого говнаря...

– Мне нравится, Алексей Олегович, что вы такой оптимист по жизни, – сказал сопровождавший меня мой пиявец сандалиевый. – И сотрудники ваши говорили, что вы никогда не унываете...

Этот то пиявец и допрашивал по нескольку раз каждого моего сотрудника, каждого моего прораба, каждого начальника участка, главного инженера и главного бухгалтера. Бухгалтерша тогда и сдала ему всё со всеми потрохами. Женоподобный, безликий, пустоглазый, в бабушкиных сандалиях, когда я его пожалел, а накопал на меня здорово. На две статьи. И не пожалел. Был майором. А когда всё закончилось меня же попросил поздравить его с подполковником. Я поздравил. Накопал то грамотно, всё доказал и следователю меня, тёпленького, передал.

Мы поднялись на какой-то этаж. И через некоторое вре-

мя зашли в большую комнату-кабинет. Пиявец предложил присесть возле свободного стола, а сам, куда-то отошёл. Я стал разглядывать обитателей этого кабинета. Их было человек 5-6. И каждый чем-то занимался. Один писал, другой звонил, третий что-то обсуждал с четвёртым. На меня никто не обращал никакого внимания. И все они, конечно, были одеты в однотонные рубашки с короткими рукавами, тёмные брюки, ботинки. Сумки-портфели лежали либо на столах, либо стояли рядом. Интересно им их выдают, или они их самостоятельно покупают? На своё жалованье?

Появились коричневые сандалии. В руках у него был одинокий листок бумаги.

– Ну что же, Алексей Олегович. Я свою оперативную работу по известному нам с вами делу закончил. Есть ли у вас что-либо дополнить, сказать или сообщить?

– Нет. А, судя по одинокому листочку в ваших руках, лучше бы мы на улице сейчас разговаривали. Подписать то его на воздухе было бы приятнее. Не сказать, что у вас здесь приятная атмосфера.

– Я бы хотел, Алексей Олегович, чтобы вы прочитали. – Как я уже сказал, я свою работу закончил, – сказал пиявец и положил передо мной листок. – Теперь вашим делом будет заниматься следователь Следственного комитета при прокуратуре...

Я тупо уставился на заголовок листка.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о возбуждении уголовного дела

Возбудить уголовное дело по признакам преступления в отношении Фирсова Алексея Олеговича...

Я силился читать дальше, но ничего не получалось. Я ещё раз прочитал заголовок. Потом ещё раз. И всё равно смысл до меня не доходил. Интересно, наверное, было наблюдать за мной со стороны.

11 сентября 2001 года американский президент Буш-младший был на встрече с детьми начальной школы во Флориде и читал им книжку. В какой-то момент к нему подошёл его помощник и прошептал на ухо об атаке самолётов на Всемирный торговый центр. Кадры с выражением лица американского президента в тот момент обошли все мировые телеканалы. Толи он был ошеломлён и сбит с толку, толи так сохранял абсолютное спокойствие, толи это был Poker face. Все взоры в классе были обращены на него.

Все взоры в кабинете в этот момент были обращены на меня. До меня вдруг дошло, что меня окружили все обитатели этого кабинета, которые несколько минут назад так заняты были, якобы, своими делами. Такие были равнодушные ко мне. Как будто на улице я попал под машину, но не наповал, а дёргался ещё, и вокруг меня столпился народ. Я тогда ещё и не дотумкал, что уже попал под каток давящей ма-

шины Российской Федерации.

– Вы только не волнуйтесь, Алексей Олегович, вы только не волнуйтесь, – суетился передо мной пивец.

Он уже стоял, а на его месте сидел молодой спортивный парень. И все стояли вокруг меня и пытливо разглядывали.

– Вы только не волнуйтесь...

Я огляделся. Во, блин, обложили. Как зверя.

– По-моему, вы волнуетесь больше меня. У меня такое чувство, что вы все столпились вокруг меня из-за того, что я могу что-нибудь неадекватное отчебучить. То-то вы так напряглись. Джентльмены, уверяю вас, что я не профессор Плейшнер. И у меня не заготовлена сигарета с ампулой с ядом на случай провала. Можете расслабиться.

– Алексей Олегович, я следователь Следственного комитета при прокуратуре России... – заговорил спортивный парень.

Я смотрел на его широкий нос и абсолютно точно ничего не понимал. Я не запомнил, ни как его зовут, ни что он мне говорил. В голове стояли кадры из фильма Ошибка резидента, когда брали Тульева-Жжёнова. Бред какой-то. Я – шпион?

– А это не розыгрыш, нет? – вдруг спросил я.

– Алексей Олегович, это постановление о возбуждении против вас уголовного дела...

– Это я как раз прочитал.

– Вы имеете право не свидетельствовать против себя и

членов вашей семьи... и бла-бла-бла...

– Сейчас будут проведены следственные мероприятия. Вот постановление о проведении обысков у вас дома и в офисе. Мы разделимся. Одна бригада поедет к вам в офис. Другая – к вам на квартиру.

– А как разделюсь я?

– Алексей Олегович, чтобы не усложнять и не терять времени, вы могли бы нам дать ключ от вашего сейфа в кабинете и сказать комбинацию шифра. Производить выемку мы будем в любом случае в присутствии понятых и в присутствии вашего заместителя. Вы же доверяете своему заместителю?

Я машинально стал отсоединять ключ от сейфа в офисе от связки ключей.

– Вот от офисного сейфа. Код не нужен.

– Спасибо. Я думаю, если вы нам будете оказывать содействие в следственных действиях, то и мы со своей стороны будем корректны, чтобы не нанести ненужный урон вам и вашей репутации. Всё парни, за работу. Вы в две машины едете в офис. А мы едем на квартиру.

– А я куда еду?

– Алексей Олегович, вы на своей машине поедете с нами на квартиру. К вам в машину сядет наш сотрудник. Если вы не возражаете. И, пожалуйста, Алексей Олегович, не делайте глупостей.

Как же омерзительно, как же гадко, как тухло так часто употреблять сочетание моего имени и отчества! С тех пор я

ненавижу, когда меня называют по имени-отчеству.

За окном моего автомобиля жил солнечной жизнью мой любимый и такой вдруг чужой город. Лобовое стекло автомобиля, как экран цветного кино. А о чём фильм? Я проспал завязку. И не понимал, что происходит на экране. Теперь мне стало понятно. Это был сон. Приснится же такое. Или этот сон – предчувствие. Предчувствие опасности. Ладно, надо вставать. Предчувствие игнорировать нельзя. Как же хорошо спать. Менделееву его таблица во сне приснилась. А мне – предчувствие опасности. Сейчас кофе. И будем разбираться с проблемой.

Из тумана выплыл голос моего водителя:

– Алексей Олегович, приехали.

Глава 7. Обыск

Я открыл глаза. Мы стояли перед подъездом моего дома на Ленинском проспекте. Всё равно что-то не так. Во сне ко мне в машину подсаживали чужого человека. Я повернулся назад. На заднем сиденье автомобиля тихо сидел сотрудник Следственного комитета и молча ждал, когда я проснусь. Подъехали две волги, из которых стали деловито выходить остальные оперативники. Нет, это не приснилось. И не моего пробуждения ждал человек на заднем сиденье моего автомобиля. Просто мой водитель приехал раньше, чем вся эта братия, с позволения будет сказать, оперативная бригада.

Вошли в подъезд. Меня пропустили вперёд. В две группы поднимались на лифте. Я открыл дверь квартиры. Снял сигнализацию. Квартира наполнилась чужими людьми. Я их в гости не звал. Сам открыл. Сам впустил. Господи, сколько же книг про это я прочитал. А теперь оказался сам участник событий. Главный фигурант. Или не главный? А если это всё какая-то постановка? И я – пешка в чьей-то игре? Стоп, а где понятия? Они не имеют права что-либо предпринимать без понятий.

– Стоп, господа! Пожалуйста, не разбредайтесь по квартире. Будьте все в коридоре. Пока мы не пригласим понятий, – и я посмотрел на следователя. – Наверное, в таких случаях,

звонят соседям?

– Алексей Олегович, зачем портить вам репутацию перед соседями. Мы привезли с собой понятых, – сказал следователь и указал на двоих ребят, спортивного вида, коротко стриженных и с короткими рукавами летних рубашек.

Вот здесь меня пронзила мысль – понятые фиктивные. Это их сотрудники. Но зачем?

– Это такие же понятые, как я балетмейстер.

– Зачем, вы так, Алексей Олегович? Своими подозрениями вы дискредитируете органы и настраиваете против себя. Этих ребят ты из университета привёз? – обратился следователь к одному из сотрудников.

Даже вопрос прозвучал фальшиво. Но тот в ответ активно закивал.

– Из какого вы университета, джентльмены? – обратился я к лже-студентам, молочным братьям. – И с какого факультета?

Стриженные враждебно из подлобья смотрели на меня и молчали.

– Нет, так дело не пойдёт! – твёрдо сказал я.

Вдруг открылась дверь лифта. Из неё вышел мой водитель:

– Я подумал, что могу вам понадобиться. Их много, а вы один. А квартира – ваша.

– Как же ты вовремя! – обрадовался я, и обратился к следователю:

– Я хочу, чтобы в числе понятых был мой водитель!

– Но у нас уже есть понятые, – ответил следователь. – За чем вы своими подозрениями всё усложняете? Чего вы опасаетесь?

– Я опасаясь, что мне сейчас будет что-нибудь подброшено.

В этот момент все шестнадцать чужих пар глаз на меня очень недобро посмотрели.

– Алексей Олегович, вы сериалов по телевизору насмотрелись! Вы своими заявлениями сейчас оказываете сопротивление государственным органам в проведении санкционированных мероприятий!

– Никакого сопротивления я не оказываю. Не приписывайте мне того, чего нет. Я настаиваю, чтобы понятым был мой водитель. У него всегда с собой паспорт. И я хочу пригласить моих соседей в качестве понятых.

Мой водитель все квартиры на этаже прозвонил, но как назло, никого не оказалось дома. Не везёт.

– И ещё я бы хотел, чтобы обыски были не сразу по всей квартире, а последовательно по комнатам. И чтобы все ваши сотрудники постоянно были в моём поле зрения или в поле зрения моего человека. По той простой причине, что это моя квартира, а вы в ней чужие люди. Да, у вас есть ордер и, соответственно, основания для этого, но это моя частная собственность. И это моя просьба. Это возможно?

– Ничего невозможного для нас нет.

– Если нет ничего невозможного, значит, нет и ничего святого, – пришли мне на ум слова кого-то классика. – Это то меня и пугает, товарищ! – А вслух сказал:

– Спасибо. Ещё я бы попросил, если сотрудники будут выходить, то каждый раз чтобы за собой закрывали входную дверь. Чтобы не было проходного двора. И хотел бы сделать заявление, что в квартире нет, и не может быть найдено – оружия, наркотиков, детской порнографии и всего незаконного, – обвёл я взглядом всех стоящих в коридоре. Как будто я здесь был старшим и распоряжался, что мы можем найти, а что точно нет.

– Ещё могут быть поддельные государственные документы. Деньги в труднообъяснимых количествах, – сказал следователь.

– Этого тоже точно нет, – ответил я.

– Хорошо. Мы это сейчас и проверим. Алексей Олегович, сколько у вас компьютеров? Покажите, и ими сразу займётся наш технический специалист.

– Один ноутбук на кухне.

– Не возражаете, если мы посадим технического специалиста на кухне, и он будет только им заниматься.

– Да, конечно.

– А мы давайте начнём со спальни, – сказал следователь.

Все прошли в спальню. Я сказал своему водителю, чтобы был предельно внимателен и, если увидит, что-то незаконное, или какую-то подкладку, чтобы сразу и громко об этом

дал знать.

Два сотрудника занялись большим шкафом, один зеркальным комодом с выдвигаемыми ящиками, четвёртый кроватью и тумбочками, пятым был следователь, шестой – технарь, занимался ноутбуком на кухне. Двое «понятых» стояли в стороне.

Открыв дверцы большого одежного шкафа, сотрудник увидел сейф. Следователь попросил его открыть и отойти. И вот здесь я понял, что смысла в сейфах нет почти никакого. Ты его сам всегда откроешь сотруднику с бумажкой могучего ведомства или бандиту с пистолетом. Пока вот открываю сотруднику с бумажкой могучего ведомства. Тем более, что ничего, чем я мог бы стыдиться, в сейфе не было. Шкатулка с не запредельно дорогими ювелирными украшениями жёны, деньги общей суммой, вряд ли превышающей 3-5 тысяч долларов США, документы на недвижимость и автомобили. Наши институтские дипломы и какая-то бумажная мелочь.

Неожиданно следователем извлекается из сейфа и демонстрируется пистолет.

– А вы говорили оружия нет.

Возможно он от счастья охотника уже трубил в сигнальный ирландский рожок.

– Я говорил незаконного. Это газовый пистолет. Лицензия лежит рядом. Даже обойма лежит отдельно от пистолета. Образцовое хранение оружия. Хотя я про него даже забыл.

– А лицензия полгода, как просрочена, – сообщил следо-

ватель.

– Ненаказуемо при не использовании, – ответил я.

– Я только информирую об аккуратности, – сказал следователь.

Дальше – хуже. На свет из сейфа извлекаются две флешки. А вот про них я реально забыл. Простреливает мысль. Там все финансы за последние восемь лет. Все доходы, и все расходы. И все откаты. Такой технически продвинутый, что записи ручкой уже несколько лет не делаю. Всё в электронном виде. Даже форму внутреннего управленческого отчёта специальную разработал. Доходы по объектам. Расходы по статьям с формулами и автоматическим подсчитыванием процентов за месяц, год и т.д. И так за восемь лет. Хвастун. Хвастун и болван! Хотя почему болван? Доходы не скрываю. Всё официально. Расходы по статьям – не возбраняется. Затраты на материалы, затраты на заработную плату. Без фамилий. Фамилии – в бухгалтерии. Меня фамилии не интересуют. Субподряд – это реальные субчики. Здесь проблем нет. Конвертация? Иди, докажи, что это обналичивание. Мало ли мы в своих учётах чего конвертируем. В конце концов, возможно, это привязка рубля к твёрдой валюте. Тогда почему эта статья в расходах? Потому что инфляция, и, скажем, так мы фиксируем потенциальные потери. Там и процент, кажется, совпадает. Примерно, как процент инфляции в год. Сгодится. Тем более без указания наименований. Налоги. Здесь две графы. И две цифры. Иди догадайся, что пер-

вая – это реальные налоги, а вторая – откаты. Статья же называется налоги и сборы. Как в законодательстве. Только вот сборы немножко не туда. Т.е. не немножко, а совсем не туда. Не доказуемо! Нет – доказуемо. Если кто-то сдаст. Замы знают, бухгалтерия знает. Кто-то всё равно сдаст. Как Павлик Морозов. Нет, просто, как Павлик. На испуг возьмут, и всё сдадут. А может уже кто-то Павлик? Наверняка. Поэтому и дело открыли. Или не поэтому. Кому я нужен? Муравей, кушать-подано, четвёртый гриб во втором составе. Я не носитель какой-то секретной информации. И, вообще, не носитель. Не проситель. Не соискатель. Может под кого-то копают, а я нужен, как стукачѐк. Допустим копают под какого-нибудь замминистра. Но я с замминистрами никак не связан. И не надо. Ты связан с их помощниками. Ты сдаёшь помощника. Помощник сдаёт замминистра. Замминистра сдаёт министра. Нет, министры у нас неприкасаемые. Это небожители. А вот замы их – прикасаемые. Значит, если копают под какого-нибудь прикасаемого, я нужен, как шестерѐнка-стукачѐк. У них на меня 100500 ничего нет. И не может быть. Потому что деятельность реальная и правдивая. Я нужен, как Павлик. Значит, меня надо на чѐм-то поймать. Значит, мне надо что-то подкинуть. Это сейчас будет пакетик. Вот, ведь, глупость. Я и не пробовал никогда, и никакие травки-грибы никогда не курил. А сейчас... Та-дам... И пакетик между простыней и полотенцем в шкафу. Извлекут. Если белый порошок, я скажу, что это вы тут муку мне подсыпали. А ес-

ли пакетик с травкой, что это вы мне тут кашельный сбор заваривать собрались.

Я криво улыбнулся своему мысленному идиотству.

Следователь предъявил мне две флешки:

– Здесь, наверное, не совсем то, что вы бы хотели обнаружить?

– А вы отдайте их вашему техническому специалисту на кухне. Он вам всё и расскажет.

– Пока мы не будем залезать в детали, – ответил следователь и опустил обе флешки в целлофановый пакетик. А потом замотал его скотчем, который, как известно, уже давно не виски, а клейкая лента.

Шкатулка жены была со смешным детским секретом и просто так не открывалась. Следователь попросил её открыть. Я открыл. Несколько цепочек, серёжек и браслетов, которые жена и не носила никогда. С сейфом было закончено. Я его закрыл. Весь улов – две флешки.

– Расстроены? – обнаглел я.

– Я не знаю, что вы себе напридумывали, Алексей Олегович, но мы проводим плановое мероприятие. И не более того.

Затем методично на каждой полке одежного шкафа была прощупана или вытащена каждая тряпка. Когда была полка с нижним бельём жены, я поморщился от прикосновения чужих рук. Хорошо, что они все на даче. Та-дам... а эти друзья знают, что мы всей семьёй сейчас живём на даче. Уже месяц.

Мы сюда, в квартиру заезжаем раз в неделю – цветы полить. Значит, обыск будет и на даче? Но он с утра сказал, что две бригады будут работать. В офисе и в квартире. Про дачу ни слова. Может это кретинизм нашей системы? У меня и ноутбуков на даче больше. И жёстких дисков с фильмами. За мучаются просматривать.

Примерно через час обыск в спальне был закончен. Надо сказать, что картина погром не напоминала. Каждый ящичек и каждая полка была тщательно прощупана, но бардак никто не устраивал. Всё было аккуратно. И дверцы-ящики обратно закрыли. Понятые переминались с ноги на ногу. Было видно, что от безделья они устали.

Алексей Олегович, – обратился ко мне следовательно, – по досмотру спальни у вас к нам претензии есть?

– Нет. Всё корректно. Даже с нашим нижним бельём, я бы сказал, что джентльмены были деликатны.

Все джентльмены посмотрели на меня. Свирепости первых минут пребывания в квартире на их лицах уже не было. Я машинально отметил, что на шкафу, на самом его верху, где обычно рассадник пыли, никто не удосужился посмотреть. И картины на стенах никто не трогал и не снимал.

– Вот видите. Мы все нормальные люди. А то понасмотрятся телевизионных сериалов. И выдумывают потом про нас.

Мне на это ничего умнее, чем цитата из Криминального чтива, на память не пришло, и я подумал:

– Ну, пока что не будем на радостях друг у друга отсасывать!

Это когда Винсент Вега и его поделщик обрадовались появлению Чистильщика в исполнении Харви Кейтеля, присланного их боссом Марселласом Уоллесом.

И тут в кармане у меня пошёл зуд телефона, поставленного на бесшумную работу. Один, второй, третий. Значит идут сообщения.

Когда все переместились в следующую комнату, я осторожно посмотрел сообщения.

– В офис не приезжайте, у нас обыск, – от второго бухгалтера.

– Не приезжайте в офис. У нас обыск, – от секретаря.

– Не приезжай, у нас маски-шоу, – от заместителя.

– В офисе автоматчики, всё обыскивают, – от главного бухгалтера.

– А я своим телефоном могу пользоваться? – спросил я следователя.

– На время следственных действий я бы попросил вас воздержаться от использования мобильного телефона. Только, если что-то совсем необходимое.

Ещё час ушёл на гостиную. Также всё методично и аккуратно. В ванной комнате особенно никто не ковырялся, экран джакузи не отвинчивал и в бачок унитаза не залезал. У нас большая библиотека. Шесть тысяч томов. Три тысячи в квартире, три тысячи на даче. Что они будут делать с кни-

гами? Даже если каждую пролистать... Но книги их не интересовали.

– Много читаете? – спросил один.

– Если человек не читает хотя бы одну книгу в месяц – он дебил.

– Значит, я дебил, – оскалился тот.

– Если так говорите – может и нет.

Кроме книг у нас много фотоальбомов. Остались от прошлых некомпьютерных лет. Сейчас то всё в электронном виде – в облаке, на планшетах, ноутах, фоторамках. На стенах висит много фотографий. В основном наши поездки. Это и Америка. И Япония. Австралия, Новая Зеландия, Бразилия, Аргентина. Африка. Карибы. Панамский канал.

– Много путешествуете? – спросил всё тот же.

– Да. Это увлечение.

– Хотел бы, и я... – вздохнул парень.

Я промолчал.

– Мне нужно сделать ксерокопию вашего заграничного паспорта, – вмешался в разговор следователь. – Открытые визы в какую-нибудь страну есть?

– Есть.

– В какую?

– В Мексику на десять лет.

– Вы хотите уехать в Мексику?

– Боже сохрани! Были там всего три дня. Но при получении визы посольство Мексики ставит сразу десять лет.

– А ещё?

– А я вам должен всё рассказывать?

– Я же всё равно увижу.

– Шенген открыт. В Америку билеты куплены. Через три недели всей семьёй планировали путешествие по каньонам.

– Боюсь, что билеты в Америку придётся сдать.

– Я буду арестован?

– Ограничение вашей свободы – на моё усмотрение, как следователя. Но я вижу, что вы человек адекватный. Поэтому не вижу смысла в этом ограничении. Подписку о невыезде я обязан с вас взять.

– Неожиданно, – только и промямлил я.

Закончили с детской комнатой. У младшей дочери такой бардак в ящиках. Если бы не эти чужие люди, я бы и не знал.

– Это я ещё перед отъездом на дачу у неё два мешка с мусором выбросила, – наверное, сказала бы жена. – Порядок навела.

Когда собрались на кухне, следователь спросил у технаря:

– Что у тебя?

– В ноутбуке всё чисто. Никаких дел. Только фотки, фильмы. И всякая мелочь.

– Вот видите, Алексей Олегович. А вы переживали. Думали о нас не хорошо.

– Признаю свою ошибку. С другой стороны, видимо, не было заказа от вашего руководства. Но тогда, наверное, не ваша бригада бы работала...

– На самом деле, Алексей Олегович, у вас не так всё и плохо. Пока. По крайней мере – решаемо. В свободе я вас не буду ограничивать. Давайте, подпишем протокол обыска. Понятые подпишут.

Пока готовили протокол, все молодые ребята мялись от безделья и лёгкого смущения. Нормальный преступник, нормальная семья. Без отклонений.

– Давайте, я вам кофе сварю, – предложил я.

– Да нас много.

– Да ладно. У меня кофе-машина. Кофе отличный. Nespresso. Знаете, который Джордж Клуни рекламирует. В конце концов, все должны оставаться людьми. Даже и по разные стороны баррикад.

– Я только слышал про этот кофе. Это в капсулах?

– Да. Я вам сделаю всем по-европейски. В маленьких чашечках. Без молока и без сахара.

– А я пью в большой чашке и с молоком, – сказал один.

Я залез в холодильник. Стоял пакет сливок:

– Вам я сделаю американо со сливками.

Пока готовился кофе – готовился протокол обыска. Я сделал десять чашек кофе. Совсем к месту на ум пришли кадры из Крестного отца, когда Клеменца, находясь в осадном положении в доме дона Корлеоне, учит Майкла Корлеоне, как делать соус к пасте, чтобы накормить много солдат...

Когда подписали протокол обыска и изъятия у меня двух флешек, я спросил:

– Мои дальнейшие действия?

– Едем к вам в офис и присоединяемся к следственным действиям там, – ответил следователь. – Как думаете, там есть чего вам опасаться?

– Я, думаю, что результат будет такой же, как и здесь. Я не торгую оружием, не связан с наркотиками. Не занимаюсь проституцией, торговлей людьми. И не держу крупных денег, просто потому, что их и нет. Все деньги крутятся в строительном бизнесе. Сколько на счёт приходит, столько и уходит для жизнедеятельности фирмы. Бриллиантов тоже, как видите, нет. Мы с женой не бриллиантовые люди.

– А мы вас и не обвиняем в том, что вы перечислили. Мы вам инкриминируем неуплату налогов в пользу государства.

– Тогда зачем обыски, как будто я шпион или бандит?

– Это стандартные следственные мероприятия. И не важно бандит вы или неплательщик налогов.

Глава 8. Выкуп

Когда приехали в офис, можно было подумать, что снимается кино. Или офис что-то празднует, а кто-то заказал розыгрыш. По всему офису ходили или сидели автоматчики в чёрной униформе. Автоматы Калашникова с обрезанными прикладами наперевес. Часть моих сотрудников бледные, с испуганными лицами. Ссыкунишки, им то чего бояться. Дизайнеры и дизайнерши кокетничают с парнями в чёрном камуфляже на ресепшен. Обратная сторона ссыкливости. Пошлятинка. Автоматчики травят байки из своей повседневной службы, похваляются как рыбаки друг перед другом. А что мои две секретарши? Ведут себя достойно, лица спокойные, серьёзные: – Все документы будем предъявлять, если поступит указание президента. Слышу:

– Да привезут сейчас вашего президента. И даст вам такие указания. Куда он денется.

– Вот когда приедет, тогда и покажем.

Потом я подписал протокол изъятия из моего офисного сейфа. Из которого, собственно говоря, ничего не изъяли. Следователь протянул протокол изъятия из кабинета заместителя. Преданнейшего мне человека. Полиэтиленовый пакет с документами на обналичивание. Он что – дурак? Никогда не держите преданного дурака в заместителях. Придёт

время, и он сдаст вас, потому что дурак. Хотя дурак то я оказался.

– Да, этот пакет просто стоял возле двери в его кабинете, дожидаясь, когда мы придём. И мы пришли, – спокойно сказал следователь.

Мы остались одни в моём кабинете:

– Алексей Олегович, я вам не враг. Я вам ничего не подкладываю. Ваш заместитель очень глуп. Вы мне симпатичны. Но я делаю свою работу.

Я вопросительно посмотрел на него.

– Ваша главная бухгалтерша – тварь. Но она вас не сдавала. Сотрудник ДЭБ год трудился не зря. Обыски на квартире и, здесь, в офисе – стандартная процедура. Если бы что-нибудь нашли – это был бы довесок. Но вы оказались чисты. Ваш второй бухгалтер Нина, которая из Балашихи – преданный вам человек. Съёмный диск вашей чёрной бухгалтерии мы не нашли. Она, похоже, его вынесла в своей сумочке, пока мои ротозеи здесь пытались всех застрашать.

– А вы зачем мне всё это говорите?

– Потому что мы здесь свою работу закончили. Вы – нормальный человек, я это вижу. Продолжайте трудиться для своего блага и для блага Родины. Но более серьёзными вещами может стать вот это, – следователь постучал по толстым альбомам на моём столе с проектом моей усадьбы. На обложке красовался дворцовый особняк с французским парком и фонтаном, выполненный нашими дизайнерами в ши-

карном 3D исполнении и с вызывающей надписью – Усадьба Фирсовых.

– Это как раз нет. Здесь сплошные кредиты. Только успеваю платить. Здесь всё чисто и объяснимо, – спокойно сказал я.

– Как знать. Стройка миллионов на десять – на двенадцать долларов?

– Разделите на четыре. Я же делаю для себя. По себестоимости. Потом разделите на 3 года, которые ведётся строительство, и которое не закончено. Ещё вкладывать и вкладывать. Эти доходы я показываю официально в зарплате. Плюс дивиденды по окончании каждого года. Так что здесь я не боюсь. Да и зачем вам меня дополнительно пугать. Я и так запуган.

– Я не пугаю. Ладно, давайте подпишем протокол изъятия. И будем заканчивать. К вам претензия только одна. Прочитайте, пожалуйста, этот документ.

Я начинаю читать

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о возбуждении уголовного дела

Этот заголовок я где-то уже видел.

Возбудить уголовное дело по признакам преступления в отношении Фирсова Алексея Олеговича...

О сокрытии доходов при помощи фирм-однодневок на сумму...

– Простите, как вас?

– Андрей Сергеевич. И я ваш следователь.

– Андрей Сергеевич, я сейчас, судя по всему, туповат. Вы мне можете своими словами...

– Своими словами, Алексей Олегович, вам инкриминируется сокрытие доходов при помощи фирм-однодневок... Хочу вам сказать, что согласно нового указа президента Российской Федерации, лица-предприниматели, впервые попавшиеся на сокрытии доходов, имеют возможность уплатить заявленные и доказанные госорганами деньги в казну Российской Федерации с полным отказом от уголовного преследования с момента уплаты данной суммы. Т.е. стоит вам оплатить сумму претензии, как в тот же момент уголовное дело в отношении вас будет закрыто официально.

– Но я не признаю себя виновным по этому уголовному делу.

– Прелесть этого указа Президента в том, что не требуется признавать или не признавать себя виновным. Стоит только оплатить сумму претензии, как в тот же момент уголовное дело должно быть закрыто без каких-либо последствий для фигуранта. Я добавлю от себя, что ещё полгода назад подобного указа не было. И люди, обвинённые по этой статье Уголовного Кодекса, отбывали наказания в местах не столь отдалённых, в независимости от того оплатили они претензию или нет.

И ещё, Алексей Олегович, вам совершенно не нужно прямо сейчас давать свой ответ. У вас есть время подумать. Просто, если вы оплатите деньги в ближайшее время, то вам может быть и Америку не придётся отменять. И ваше путешествие по каньонам.

Здорово! Наши уже официально, издают указы о сделке. Как в Америке. Государство официально предлагает тебе сделку. Заплати недоимку и спи спокойно, товарищ дорогой. К тебе претензий не будет. Или это новая форма сбора налогов такая. Ты уклоняешься от уплаты реальных налогов. Какой предприниматель не мечтает уклониться, уменьшить, сократить, если он не индеец? Тогда мы шарашим тебя уголовным делом. И тут же предлагаем сделку. Вот тогда ты, не просто, через не могу, а вприпрыжку бежишь платить то, что тебе насчитали. И так резво, что сам себе удивляешься, какой ты вдруг прыткий олень. По налогам ты был тюлень, а стал ветвистый олень. Ловко. И афоризм приличный.

А в тюрьму я не сел тогда, только лишь потому, что не было у меня мошенничества. Этой самой популярной для предпринимателей, когда нужно закрыть этих самых предпринимателей, 159-й статьи Уголовного Кодекса РФ. За каждый вбитый гвоздь, за каждый уложенный квадратный метр паркета мог я отчитаться по актам выполненных работ на своих строительных объектах, но вот от налогов уходил при помощи обналичивания, т.е. использовал сомнительные и недобросовестные фирмы-однодневки. На это мне было тор-

жественно объявлено, что о таких как я, умниках, кладущих на затраты непропорциональные сделки, подумал наш президент всей нашей могучей Российской Федерации. Не президент, а золото. И абсолютно убедил всю страну в своей кристальной чистоте. А то, что там в оффшорной виолончели что-то прятали, так это и не он вовсе. У него и справка есть. Кто-то там свиолончелил по-мелочи? Он же не может за каждый кофр виолончели в своём оркестре отвечать. У него таких кофров-кошельков пруд пруди. Весь ресурс страны в них таится. Вот это предприниматель. Триллиардер. И не подкопаешься. Не то, что там какие-то потешные Джеффы Безосы, Биллы Гейтсы или Уоррены Баффеты. Со своими сотнями миллиардов. Лопнешь со смеху. Дорогой, однако, предприниматель. А в таких случаях, как у меня, когда есть только недоимка по уплате налогов, но нет мошенничества, предлагается просто заплатить недоимку. И уголовное преследование по второй популярной статье, 199-й УК РФ, когда предпринимателя не нужно закрывать, а только долбануть как следует, снимается. Ну, как бы ты зайцем решил прокатиться на трамвае, и тебя поймали, но не высаживают тебя на мороз в тайге, не заламывают руки, не меняют до неузнаваемости твой профиль, а предлагают на месте оплатить неоплаченный проезд, ну со штрафами, конечно, и пенями, которые примерно так вдвое превышают твой билет. Но, ведь, не на мороз же тайги!

– А зачем тогда уголовным делом шарашить по голове? –

вкрадчиво спросил я. – Устраивать обыски дома, в офисе с автоматчиками? Можно было бы по-хорошему сказать. На уровне налоговой проверки выявить и указать на недоимку. Трамвайного безбилетника же не бьют уголовным делом с допросами и масками-шоу с автоматами.

– Согласны, могли бы. Но, ведь, по-хорошему вы бы и не поняли. Стали бы гундосить, что не виноват. Вы вначале докажите. Так мы и доказали, – нежно, но при этом с великой важностью разъяснили мне. А обыски у вас дома и в офисе – это стандартная следственная процедура, – примерно так отвечал старший следователь 4-го отдела СЧ Следственного управления при УВД по Восточному административному округу по г. Москве капитан юстиции такой-то. Также, спустя некоторое время, за меня получивший майора. Просил поздравить. Я поздравил. Чего там.

А доказали ли, думал я тогда? А если это развод? Мент – всегда мент. Один мой знакомец – целый полковник центрального аппарата МВД, большая умница, как-то напутствовал меня. Ты должен понимать. Мы – менты. Мы – охотники. Мы сидим в засаде. А ты – комерс. Ты – жертва. Ты – дичь. Ты резвишься на лужайке. Ты нагуливаешь жирок. А мы сидим и ждём, когда ты допустишь ошибку. А ты её обязательно допустишь. И тогда охотник сделает выстрел. Или это будет капкан. Но этот капкан поставил охотник.

Это всегда две противоположные и не равные стороны. Охотники и дичь. Охотники-менты сидят в засаде, как се-

лёдка под шубой. А дичь – всегда дичь. *Федя, дичь!* И они бьют тебя открытием уголовного дела. Всё это сопровождается обысками. Приводят автоматчиков в масках. Чтобы ты окончательно поверил, что с тобой всё всерьёз. Всё это называют стандартной процедурой. Вгоняют тебя в транс. Но тут же успокаивают, мол, вы только не волнуйтесь. У вас всё не так плохо. Вы даже можете себя выкупить. Наш президент об этом позаботился. Официально. И в свободе вас никто не ограничивает. Класс! Как они могли доказать, что это фирмы-однодневки? Название то, какое придумали смешное. Однодневки. Эти фирмы существуют не один день. Они есть при каждом банке.

Практика обналичивания денег через подобные фирмы повальная. Нет ни одного предпринимателя в России, работающего по безналичному расчёту, с доходом выше миллиона рублей в месяц, который не использовал бы подобные стиралки. Потому что, если ваш доход меньше миллиона рублей в месяц, то заморачиваться обналичиванием через такие фантики почти нет смысла. Всегда можно снять небольшие суммы в собственном банке. Придумав какое-то логичное обоснование для того, чтобы положить это на затраты. Если же у предпринимателя крупный бизнес, то в дело вступают другие схемы. Скажем, офшоры. Выводы денег в другие регионы. В другие страны. Но это другая история.

И побегал я тогда продавать свою квартиру на Ленинском. В которой жили. Продал, расплатился и выкупил себя.

И неоплаченный проезд мой стоил четырёхкомнатной квартиры на Ленинском. Семья – вот только без квартиры осталась и переместилась на дачу. Но это можно считать везением. Разлюли-малина. Потому что из миллиона уголовных дел против предпринимателей за 5 лет десятки тысяч сели в тюрьмы. А из тюрьмы особо не выкупишь себя, останется только платочком белу свету махать. Из-за решётки, многократно крашеной отвратительным ядовитым зелёным цветом. Когда же я выкупился, с меня сразу в момент сняли крючок уголовного дела и даже дали ознакомиться с ним. Там были очевидные доказательства. Нашли где-то в Ростове и генерального директора фирмы-обналички, и его старушку маму, и его родню, и стало ясно, что это додик-выпивоха, который не то что генеральный директор, он себя не вспомнил, когда его допрашивали. Чудо, а не алкоголик. Серьёзный самозанятый сомелье. Из эпохи палеолита. А банк меня уверял, что фирма белая-белая, ответственная-ответственная, с реальным гендиректором и главным бухгалтером, с регулярной сдачей отчётности. За что брал повышенный процент. И ещё оказывается легко доказывается по прецедентности – это когда через эту фирму работает пол-Москвы. А то и пол-России. Вы скажете – так, ведь, прецедентного права у нас в юриспруденции нет. Так это права нет. А обязанности есть. При чём беспрекословные. Допросы своих сотрудников и их показания читал, как роман. Роман с камнем на шее. Сдают, оказывается, все и всегда, как карты в карточной игре. Про-

сто, как Павлики. Хотя вру, не все. Второй бухгалтер не сдал, водитель не сдал. Начальник отдела снабжения не сдал. Судя по его допросу, вообще, не зассал. А его было на чём склонить к сожительству. Да есть люди... Их мало. Но они есть.

Когда я таким официальным образом выкупил себя из капкана, сразу обнаружилась необычайная лёгкость бытия. Легко стало нервам и ещё легче стало карманам, которые полегчали ровно на роскошную 4-х комнатную квартиру. Если бы меня спросили в тот момент: – Ну, как ты? Ответ был бы односложный: – Налегке.

Оставался, правда, ещё один крючок. Дело в том, что у меня была ещё одна строительная компания. Когда подрядов много, а это было именно так, для оперативного управления удобнее было разделить производство. Только вот среди субподрядчиков в этой второй компании тоже затёрлись те же недобросовестные фирмы-однодневки. Второй волны нервного и финансового пресса в силу стоимости ещё одной квартиры было не выдержать. Во-первых, квартир больше не было, во-вторых, бизнес летел вниз, как пикирующий бомбардировщик, а в-третьих, нервы у семьи уже были ни к чёрту. – Крепость падёт, – думал я.

Далее, через разных знакомых и адвокатов следовали предложения – замять, уладить, утрясти. За один килограмм лимонов, за три, за пять, за десять. Доброхоты-решалы встречались со мной в ресторанах, в машинах, на улицах.

Отключались телефоны, вынимались батарейки, включались глушилки сигналов и прочая возня.

И тут неожиданно в аналогичный солнечный день на лестнице моего же офиса, как из ниоткуда, передо мной вынырнул пиявец. Всё в тех же сандалиях и бейсболке с козырьком, закрывавшем его лицо от верхних камер наблюдения. – Следуйте за мной, – тихо и вежливо произнёс он.

Идут как будто бы два друга по бульвару. Один другому и говорит:

– Вы же думаете о второй компании?

– Да, думаю.

– Приказа по второй компании не было. Но это легко поправить.

– Второго удара мне не выдержать. У вас задача меня утопить?

– Бог с вами. Живите и работайте на здоровье. Три миллиона потянете?

– От квартиры что-то ещё осталось. Потяну.

– Если поступят предложения от кого-то ещё в рамках этого вопроса – не ведитесь. Это будет развод.

И один друг, как неожиданно появился из ниоткуда, так неожиданно и исчез в никуда. Вот прямо, как клетчатый Коровьев, растворился в воздухе. Воздух только в этом месте, как-то изрядно уплотнился.

И снова делавары звонили мне, набивались и набрасывались. Предлагали руку и сердце. Убеждали, подтверждали,

заверяли сделать всё чисто-чисто.

А ещё через неделю последовал зашифрованный звонок по телефону. Не удивляйтесь, читатель. Для пиявцев ничего невозможного нет. Звонок был из круга знакомств нашей старшей дочери, и по стечению обстоятельств тоже мента, затесавшегося к ним в компанию – Алексей, то, о чём у вас был разговор, можно передать через меня.

– Как я получу подтверждение?

– Обернитесь, пожалуйста, – и когда я выполнил просьбу, мимо меня проезжал спорткар, за рулём которого сидел знакомец моей дочери в однотонной рубашечке с короткими рукавами и с кем-то разговаривал по телефону. А когда опустилось заднее стекло машины, я увидел моего пиявца, который картинно медленно закрыл и открыл глаза, как бы подтверждая услышанное мною. Голос в трубке телефона продолжал – У моей семьи загородный яхт-клуб по Дмитровке, сможете привезти туда, я назову адрес?

Надо ли говорить, что я был рад, когда узнал, что этот знакомец-мент вскорости выпилился из компании нашей дочери.

Глава 9. Гагарины

Такая вот картинка всплыла у меня в голове о неприметности сексотов. Это я уже снова на 1939-й выруливаю.

По поводу неприметности и Микоян рассказал курьёз с их делегацией во время поездки в Америку. В СССР тогда одевались без затей, и даже члены Политбюро носили то, в чём некогда воевали. Гражданская война, революции, Великая война двадцать лет как закончились, но все продолжали носить гимнастёрки, френчи, армейские сапоги и фуражки. По большому счёту продолжали воевать. Что такое мода – понятия не было. А тут в Америку ехать. Спихватились и решили срочно пошить ему костюм в ателье. И когда эта футбольная команда, а их вместе с Микояном было не то десять, не то одиннадцать игроков, пардон-пардон, человек, вышли транзитно в Берлине на вокзале, то немецкие бюргеры с удивлением посматривали на них. Оказалось, что в поезде все из своих пижам выпрыгнули, переоделись, а когда вышли, то как на подбор были в одинаковых костюмах, в одинаковых шляпах и одинаковых ботинках. Обслуживались то в одном кремлёвском ателье. Первое, что сделал Микоян в США, это купил себе новый костюм.

Ещё немного американских историй с Микояном. Один интересный разговор произошёл у него в Детройте. Как-то

раз, когда он знакомился с заводом Форда, администратор сообщил, что сам Генри Форд прибыл, чтобы лично пообщаться с Микояном. Симпатичный худощавый старик, как описывает его Нарком пищепрома СССР, с выразительным лицом, основатель автомобилестроения в США и основатель автомобильного конвейера Генри Форд подошёл, пожал руку и спросил, какие цели поездки в Америку у советского государственного деятеля. Микоян ответил, что хочет изучить достижения Соединённых Штатов в пищевой промышленности.

Абсолютно неожиданно Форд сказал:

– Зря вы изучаете строительство мясокомбинатов и вообще развитие мясной промышленности. Мясо есть вредно. Моя семья мясо не употребляет. Нужно питаться овощами, фруктами и соей. Соя содержит необходимый белок, гораздо полезнее мяса и её можно употреблять в разных видах.

На это Микоян ответил, что советский народ привык есть мясо, любит его, и что климат в Советском Союзе суровый, да и американцы тоже далеко не все вегетарианцы, ведь правда же.

Тем не менее Форд тупо гнул свою линию и сверх ожидания выдал совет – всем работающим советским людям предоставить огороды в личное пользование.

– Они будут их обрабатывать в свободное от работы время, и от этого будет двойная польза. Во-первых, это своеобразный отдых, а во-вторых, урожай с этих огородов будет для

них дополнительным источником питания.

Микоян обнаружил, что это интересная мысль и решил подумать, как распорядиться таким советом в государственном масштабе.

А мы то теперь точно знаем кому обязаны советские граждане шестью дачными сотками с индивидуальными огородами и деревянными избушками на курьих ножках. И какую пищевую цепочку можно проследить между приветливыми бабушками и тётушками, активно рассказывающими о правильном выращивании помидорчиков и их заготовках на зиму на своих популярных каналах YouTube и знаменитым американцем дальнего ума по имени Генри Форд.

Кроме всего Форд завёл разговор о строительстве автомобильного завода в СССР и отметил, что пошёл на то, чтобы оказать техническую помощь в его постройке, однако считает, что вначале надлежит строить шоссейные дороги, а уж потом браться за строительство автозаводов:

– Вы начали не с того конца, – заключил Форд.

Микоян согласился с логикой Форда, но опять-таки сослался на привычки советских людей. Что советский народ пока не имеет машин, которые будут ломаться от бездорожья, и поэтому не захочет вкладывать деньги в строительство того, что будет необходимо для того, чего он даже пока не имеет. Форд от такого хитросплетённого ответа Микояна пожал плечами и сказал, что его рабочий день уже кончился, но он специально приехал, чтобы пообщаться с видным

государственным деятелем СССР. Микоян поблагодарил его за такое внимание и за дельные советы. Последним, из которых Советский Союз не воспользовался по причине нехватки денег тогда, не воспользовалась и его правопреемница – Российская Федерация – и сейчас, по той же самой причине. И дело не в известной формуле, мол, дураки и дороги. Да просто денег никогда нет у дураков на дороги.

– Вам какого? – спросила меня тётя в белом халате и белой косынке. В павильоне продавщиц было двое. Меня спросила та, что постарше и с железными зубами. Спросила грубовато, но радушно, и даже немножко игриво.

– Э-э, пломбир, пожалуйста, – ответил я и подумал – как много советских граждан с железными зубами. Это сразу бросалось в глаза. Я и так то, после установки себе уникальных 28 диоксидных героев-панфиловцев, обращаю внимание и, как правило, сразу определяю у кого что установлено, а тут тебе железом прямо-таки в глаза тычут. Стоматологическая отрасль СССР в 1939-м была железная. Много позже, к 80-м годам, эта же отрасль будет золотой. Особенно у выходцев из южных регионов страны сверкнуть золотой челюстью будет примечательным симптомом состоятельности и благополучия. К американской системе естественной имитации зубов и натуральной улыбке наши люди придут только в 21-м веке. И то не все. Большая часть народонаселения и сейчас будет ходить со страшными зубами и не замечать этого.

– Сколько?

– 200 грамм, пожалуйста.

Как же у них стерильно всё, подумал я. Белые халаты, белые косынки, белые скатерти, белые прилавки, белые коробки, как в больнице.

Тётя сняла со льда коробку с мороженым и стала накладывать из неё специальной ложкой в бумажный стаканчик.

Вот так вот! Ледник! На леднике хранится мороженое! Холодильников нет. А история здесь такая.

Микоян в США увидел огромное количество домашних бытовых холодильников. Специальный цех по их производству был у крупнейшего концерна General Electric. В Советском Союзе домашних холодильников не было. А в США они были доступны каждой семье и пользовались огромным спросом. Возвратясь из поездки Микоян в разговоре с Царём всех царей и морских королей предложил организовать массовое производство домашних холодильников. И сделать это на крупных советских машиностроительных заводах. По примеру США. Однако Адмирал всех морей и водорослей, а также всех замечательных советских людей ответил отказом. Мол, на большей территории Советского Союза зима длинная и поэтому потребности в холодильниках нет, а летом народ привык держать продукты в ледниках и погребах. Вот какой был будущий мавзолейный с улицы Бассейной! Вот какой умнейший и рассудительнейший был Князь пигмеев. Как он только не добавил, что советские люди издревле при-

выкли в шкарах ходить, топором бриться и при лучине писать. Но он привёл довод, что все наши заводы самого что ни на есть тяжелейшего машиностроения перегружены оборонными заказами, потому как враги повсюду. Против такого аргумента у Микояна слов не было. Самолёты и танки были важнее. И тема домашних холодильников на десятилетия была забыта. А рядовую советскую семью обеспечить домашним холодильником удалось только к 80-м годам. Т.е. спустя 40-50 лет после поездки Микояна в Америку и его предложения по их производству.

Я же со своей стороны, когда был в Детройте в музее Форда, могу свидетельствовать тот факт, что там, среди множества интересных автомобилей, у каждого из которых есть своя, чем-то примечательная история, так вот среди этого множества исторических, остолбенело застывших на огромной площади, автомобилей находятся и воссозданные интерьеры кухонь разных времён США. Поскольку Форд был большим поклонником не только моторов, но и почитателем бытового технического оснащения жилищ. В чём очень неслабо поддерживал и финансировал изобретения Томаса Эдисона, одного из основателей знаменитой компании General Electric. Например, кухня конца 18-го века несёт отголосок пещерного жилища, оснащена каминной топкой, чугунками, деревянными полками и огромным веретённым колесом. Кухня начала 19-го века только приобретает очертания привычной нам кухни и в ней присутствует уже ка-

кая-никакая мебель, хотя по-прежнему каминная печь и деревянные плоски. Кухня конца 19-го века – на смену каминной топке пришла чугунная печь с чайником и кастрюлями, а стол покрыт скатертью. И кухня начала 20-го века в США уже содержит элементы кухонной техники. Это, конечно, холодильник, конфорочная плита, термос, электрическая стиральная машина, примитивная, но электрическая посудомоечная машина, электрический миксер и ещё какие-то технические прибабасы. В украшении интерьера наличествуют мебельные кухонные фасады и сервант. Кухня советских людей в массовом порядке смогла приблизиться к такой кухне начала 20-го века США только к концу 70-х годов. Да и то, только в крупных городах, которых всего десятков и был в Советском Союзе. А за новым холодильником, скажем модели Минск, в Москве ещё и в 80-х записывались.

Как объяснить, что из самой передовой страны мира США нам с назойливой периодичностью формируют портрет врага? Навязывают образ заокеанского противника. Когда даже Их Советское Сатанинское Величество отправил Микояна не куда-нибудь, а в Америку. Вбирать в себя всё самое лучшее. Вдыхать в себя все тонкие ароматы технологий, влезать в рецепты закулисной стороны капиталистического камбуза. Примеривать всё самое новаторское. Подсматривать. Заимствовать.

Казалось бы, если ты, русопят пожизненный, ничего сам толком создать не можешь, кроме оружия, водки и романов

19-го века, пристройся в фарватере первоклассной технологичной страны, прилипни мухой и херачь рядом пока ума не наберёшься. Дружи, союзничай, намывай знания, нарывай опыта. Бери только лучшее, уважай победителей.

– Ой-ой-ой! – уже обступили меня дремучие дочки – лесные патриоты. – Да, мы, бляха, первые в космосе! Да, мы, бляха, Гагарина!..

Да, мы, бляха, первыми запустили искусственный спутник земли, и мы первыми отправили человека в космос, и у нас при этом до сих пор нет ни одной мало-мальски заметной на международном рынке телекоммуникационной компании. Потому что мы именно что – бляха Гагарина! Блестящая, как наган матроса на станции метро Площадь Революции. Залапанная, как морда собаки на той же станции. Начищенная так, чтобы истошно лаять – Вот ты не Гагарин! А я – Гагарин! И мы все – Гагарины! И мы все – на Площади Революции! В вечном состоянии агрессии. В вечном состоянии войны со всем миром. В вечной культивации человека в мундире с портупеей. А в силу патриотизма готовые стереть карту Америки даже из своего подсознания. Причём ракетами.

Глава 10. Изобретатели

Известный профессор Массачусетского технологического института и Гарвардского университета, славный американский старичок Лорен Грэхэм, славный в том числе и тем, что чертовски любит и уважает Россию до такой степени, что является ведущим зарубежным учёным по истории советской и российской науки, без обиняков свидетельствует в пользу России с точки зрения великолепных изобретений, созданных русскими, и абсолютном провале по соображениям использования этих изобретений в обществе. Советским учёным, говорит прославленный авторитет по истории науки и технологий, принадлежат две нобелевские премии за разработки в области лазерных технологий, но нет ни одной российской компании которая занимала бы хоть сколько-нибудь значительное место на рынке лазерных продуктов и технологий. Электрические лампочки в России изобрели до Томаса Эдисона. По сути, Томас Эдисон вообще позаимствовал эту идею у Яблочкова, у русского ученого. Но затем американские компании захватили этот рынок. И никакая российская компания с ними не стала конкурировать. История с Яблочковым потрясает своей амплитудой предпринимательских колебаний и цепочкой экономических метаморфоз. Её стоит рассказать.

Родившись в благородной, но обедневшей семье в Саратовской губернии Павел Яблочков к своим 27 годам изобрёл электрический прожектор. Работая начальником службы телеграфа на Московско-Курской железной дороге Яблочков воспользовался случаем заявить о себе и своём изобретении, когда император Александр II в 1874 году отправился на отдых в Крым. Яблочков установил прожектор с дуговой лампой на паровоз царского поезда для освещения путей ночью. Всю дорогу, стоя на площадке переднего паровоза, Яблочков следил за работой своей придумки, которая была первой в мире. Впечатлённый император пожал Яблочкову руку и отправился по своим императорским делам, а руководство железной дороги с вздёрнутыми задницами побежало за царём, не проявив интереса к электрическому начинанию, и проект не выстрелил. Через восемь лет французские инженеры-железнодорожники разработали аналогичный прожектор, установили его на свои паровозы и объявили свой почин первым в мире. А ещё через несколько лет прожекторы головных паровозов всех железных дорог в мире стали устанавливаться повсеместно, и российские железные дороги стали закупать прожекторы... да... у французов, позабыв про электрического парня Яблочкова напрочь.

Но Яблочков не угомонился. С группой единомышленников он открыл электротехническую мастерскую, которая предлагала услуги заводам и складам. Обивали пороги судоводных и железнодорожных компаний. Пусто. Идея с элек-

трификацией потерпела крах, и Яблочков обанкротился. За ним гонялись кредиторы, нависла угроза судебного разбирательства, и за большое количество долгов ждало тюремное заключение. Он, горемычный и затравленный, в спешном порядке бежал в Париж, бросив в России долги, загнанную жену и детей. Можно только представить, как далось ему это бегство и какие накануне разговоры они провели в семье, какие слёзы вместе пролили перед его побегом.

В Париже Яблочков скитался и бомжевал, пока один парижский предприниматель не дал ему работу в небольшой электротехнической компании. Уже через год на выставке физических приборов в Лондоне Яблочков представил свою дуговую лампу, которую придумал ещё в России. И она выстрелила! Она произвела сенсацию, поразив зрителей своей идеей и эффективностью. Его лампами стали освещать кварталы Лондона и Парижа. Тридцатилетний Яблочков стал знаменитым и богатым. Огромные отели и роскошные магазины двух европейских столиц устанавливали лампы Яблочкова. На очереди были Марсель и Рим, крупнейший порт Франции Гавр. Яблочков стал миллионером. Яблочков захотел вернуться в Россию к жене и детям. Яблочков захотел расплатиться с Россией по долгам.

Это оказалось не так просто выполнить. Задолжать в России легко, расплатиться затруднительно. С большими сложностями и головоломками Павел Яблочков расплатился по долгам, и с триумфом вернулся в Россию. Великий князь

Константин Николаевич, брат императора Александра II, как оказалось не забывшего о прожекторе, который Яблочков когда-то установил на его поезд, обещал крупные заказы на оборудование его лампами судов, доков и всего российского флота. Яблочков купался на волнах успеха и надежды электрификации России. Для того, чтобы выкупить у своих французских соинвесторов права на производство своих же ламп в России, Яблочков заплатил миллион франков. Он основал новую компанию в Санкт-Петербурге и стал продавать свои лампы. Великий князь сдержал обещание и российский флот купил у Яблочкова... боже, как по-княжески... несколько сот ламп. Ни российские отели, ни заводы, ни городские власти не проявили никакого интереса к лампам Яблочкова, предпочитая по старинке газовые фонари. Только спустя много лет Москва и Санкт-Петербург начали масштабную электрификацию и заключили мощнейшие контракты на выполнение этих работ... с немецкой фирмой Siemens.

Яблочков в России вновь оказался банкротом. Он вернулся во Францию, но составить там конкуренцию уже не смог. Темп электротехнического развития европейских стран был слишком стремителен, а Яблочков потерял время в России. Сломленный жизнью и болезнями он умер в России в возрасте 47 лет в 1894 году.

Великий американский самоделкин Томас Эдисон не изобретал ламп, он взял лампу Яблочкова и усовершенство-

вал её. А имея финансовую поддержку Уолл-стрит придумал систему электроснабжения, которая была способна обеспечивать электричеством целые города вместе с частными домовладениями. Чтобы завоевать рынок Эдисон продавал свои лампы по 40 центов при себестоимости их 110 центов. Четыре года Эдисон терпел убытки, снижая себестоимость ламп и увеличивая их производство, потому что своевременно разглядел за ними будущее. И когда ему удалось довести выпуск ламп до 1 млн. штук и снизить себестоимость до 22 центов, он за год покрыл все убытки. Конечно такое было возможно только при финансовой поддержке частных инвесторов США. У Яблочкова в России их не оказалось.

В России масштабная электрификация всей страны началась только в 1921 году и это было уже в советской России по плану ГОЭЛРО по заданию и под руководством Ленина. И лампочки стали ласково называться лампочками Ильича. Лампочка Ильича в жопе главврача. Холопы всегда будут ассоциировать достижения с именем царя или вождя. Для сотен миллионов русских людей лампочки Яблочкова, как и его судьба были неизвестны. И когда вам доведётся случайно промелькнуть мотыльком в Бутырском районе Москвы (не путать с Бутырской тюрьмой, которая находится совсем в другом месте) на улице Яблочкова, знайте – это улица названа в честь того самого Яблочкова, о котором рассказываю и который реально был с такой капризной предпринимательской судьбой.

Русский ученый Попов собрал первый передатчик и приёмник радиосигналов. Вскоре Попов уже передавал радиосообщения с баз Российского военно-морского флота на корабли. Радиоприёмник Попова передавал информацию по радиоволнам до изобретения радио итальянцем Маркони, который на теме радио стал мультимиллионером, вращался в высших кругах общества, развлекал на своей яхте королей и королев, многочисленных любовниц. Газеты всего мира прославляли его, как человека, который подарил миру радио. А у России и сегодня, как не было, так и нет сколько-нибудь заметных успехов на международном рынке радиоэлектроники. Попов гордился своим изобретением радио, но заниматься коммерцией своего изобретения считал ниже своего достоинства.

Очевидно, что Попов был человеком, достойным восхищения, но другой вопрос так и просится с языка – действительно ли это идёт на благо людей – иметь идеи, которые способны принести людям пользу, но не реализовать их? Русские вновь оказались хороши в части идей, но слабы в бизнесе.

Это-то, утверждает Лорен Грэхэм, и отличает изобретателя от инноватора. И это большая разница. Допустим вы изобрели продукт или процесс, который работает, и ничего похожего раньше не было. Вас можно поздравить, вы – изобретатель. Однако инноватор – это гораздо больше. Инновационность – означает взять этот продукт или процесс и

сделать его коммерчески успешным. Причем успешным не только для вас, но и для общества, в которое вы его внедрили. На самом деле факт изобретения – это, вероятно, самая лёгкая составляющая в коммерческом успехе технологии. Самая же сложная составляющая заключается в знании рынка и способности встроить инновации в экономические реалии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.